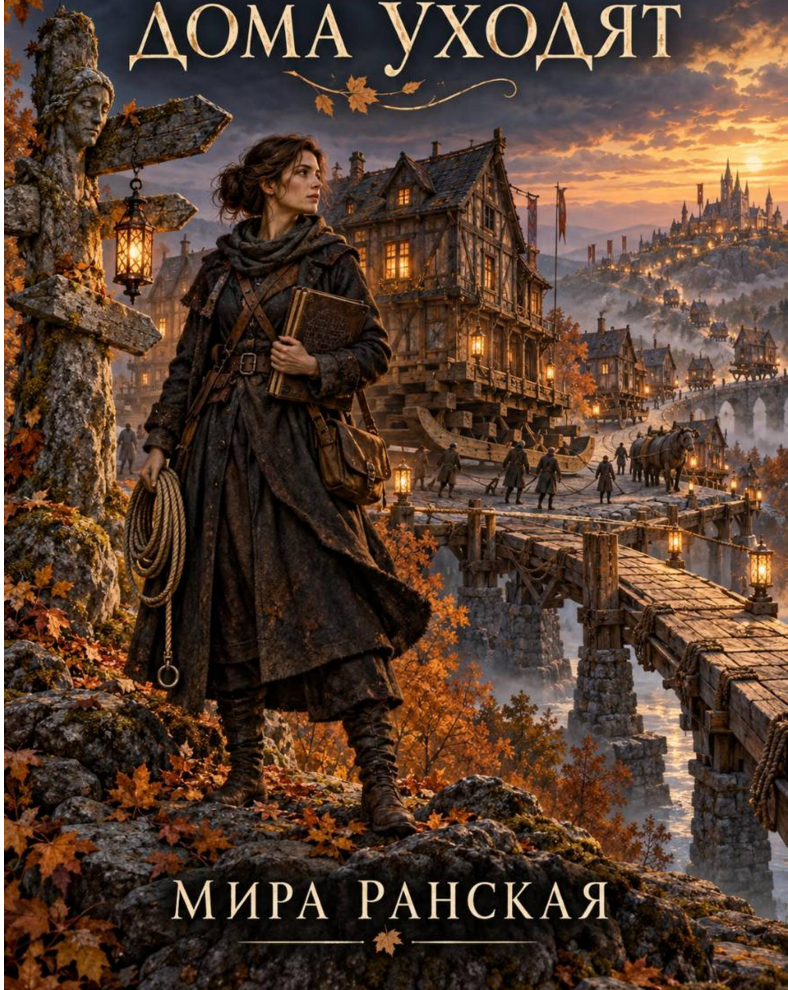

ОСЕНЬЮ ДОМА УХОДЯТ

МИРА РАНСКАЯ

Мира Ранская

Осенью дома уходят

<https://litres.ru/74623234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую осень город Ступени разбирает дома и уходит на новую землю, пока старые дороги не выпили воду из колодцев. Варвара Межина собирает долги перед духами перекрёстков и знает цену точным словам: признанная ошибка даёт силу, но только на исправление причинённого вреда.

Когда Буквальник предъявляет забытый договор, под спорной чертой оказывается дом Варвары и её сестры Агафьи. Двенадцать лет назад Варвара сама передвинула межу, чтобы спасти погорельцев, а теперь совет хочет превратить общее покаяние горожан в запас силы для перехода. Чтобы вывести город и не отдать духу чужой труд, Варваре придётся вернуть дороге проход, отказаться от дома и доказать, что ответственность нельзя собирать с людей как налог.

«Осенью дома уходят» — самостоятельный фэнтезийный роман о двух сёстрах, буквальной магии договоров и праве исправлять ошибку, не присваивая выбор другого человека.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Первый снятый порог	6
Глава 2. Город на полозьях	18
Глава 3. Дух без кривого слова	33
Глава 4. Сила признанной ошибки	57
Глава 5. Дом двух сестёр	77
Глава 6. Три долга старой улицы	98
Глава 7. Карта под картой	111
Глава 8. Что обещали дороге	132
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Мира Ранская

Осенью дома уходят

От автора

Дом кажется самым неподвижным словом. У него есть порог, знакомая царапина на стене, место для кружки и угол, в котором половица отвечает на шаг. Но что останется домом, если каждую осень его нужно разобрать, перевезти и собрать на другой земле?

Эта история началась с вопроса об ошибке. Мы часто представляем признание как точку: сказал правду — и дело закончено. Для жителей Ступеней признание только начинается. Оно даёт силу поднять именно ту тяжесть, которую ты создал, и не позволяет потратить эту силу на чужую жизнь или удобную победу.

Здесь нет простого злого духа, которого достаточно перехитрить. Буквальный договор может быть жестоким, но человеческое желание произнести расплывчатые слова ради общей пользы бывает не менее опасно. Поэтому я предлагаю смотреть не только на то, кто прав, но и на то, кто платит за правильное решение руками, домом и возможностью отказать.

«Осенью дома уходят» — самостоятельный роман. Чтобы

войти в него, не нужно знать другие миры или правила. Достаточно помнить: иногда сохранить дом означает унести его стены, а иногда — оставить лучшую балку мостом для тех, кто идёт следом.

Глава 1. Первый снятый порог

Первый порог сняли на рассвете, и он едва не сломал Савелию обе руки.

Каменная плита лежала перед дверью его красильни столько лет, что успела врасти в землю и стать похожей на серую спину старого зверя. По краям её обняли корни рябины, в трещину набилась синяя краска, а середина была вытерта сапогами до блеска. Савелий поддел плиту ломом, навалился всем телом и тут же отлетел на мостовую. Лом звякнул, будто кто-то бросил железную ложку в пустой котёл.

— Ещё раз так сделаешь — унесём сначала тебя, — сказала я.

Савелий сел, потирая локоть. В утреннем воздухе от него пахло уксусом, мокрой шерстью и обидой.

— Она всегда легко поднималась.

— В прошлом году поднималась. В этом ты поставил новый столб не по метке.

Он посмотрел на столб у ворот. Тот стоял на пол-ладони ближе к улице, чем полагалось. Из-за этого верёвка, которой поднимали стеновой щит, шла наискось и тянула за собой весь дверной косяк. Можно было снять порог силой, но тогда красильня лишилась бы двери ещё до полудня.

За спиной у нас просыпались Ступени. Не так, как просыпаются обычные города: сперва печные трубы, потом рын-

ки, потом школьные дворы. Наш город каждую осень просыпался от стука молотков. С крыши снимали черепицу, со стен — резные наличники, с колодцев — воротки. Дома сбрасывали летний вес и готовились лечь на полозья. По улицам тянулись тележки с промасленными верёвками. Над площадью уже торчал голый остов часовой башни, а часы лежали в деревянном ящике и продолжали отбивать четверти, словно им было всё равно, есть вокруг башня или нет.

На востоке, за последними огородами, желтела новая стоянка. Мы выбрали её ещё весной: сухой склон, два ручья, сосновая грива против северного ветра. К первому снегу там должны были появиться улицы, к зимнему солнцевороту — снова тот город, который сейчас разбирали по доскам. Почти тот же. Ступени никогда не собирались совершенно одинаково.

Я подняла лом и положила его под навес.

— Назови, что сделал.

— Варвара, мы с тобой с детства знакомы. Я ошибся на пол-ладони, не человека же зарезал.

— Ты хочешь спорить о размере ошибки или снять красивую дождя?

Савелий оглянулся. Его жена Маланья стояла в дверях со связкой медных крюков. Двое работников придерживали уже освобождённый стеновой щит. Им всем приходилось ждать. По улице шли соседи, и каждый невольно косился на нас: сборщица долгов у чужого порога — зрелище, от кото-

рого человек первым делом вспоминает собственные неверные метки.

Савелий поднялся, отряхнул штаны и буркнул:

— Я поставил столб криво.

Ничего не произошло. Под плитой скреблась мышь. С площади донёлся девятый удар часов, хотя солнце только показалось над крышами: после снятия с башни механизм всегда начинал торопиться.

— Не криво, — сказала я. — Криво бывает от ветра. Или когда глазомер плохой. Что именно ты сделал?

Он посмотрел на Маланью. Та не помогла.

— Я видел старую зарубку, — произнёс Савелий уже тише. — Но решил, что новая линия даст больше места для бочки. Передвинул столб к улице и не перемерил тягу двери.

От его ладоней пошёл белый пар.

Не жар, не свет и не молния, как любят рассказывать призраки. Сила признанной ошибки всегда выглядела буднично: будто человек вынул руки из тёплой воды в холодное утро. Пар обвил пальцы Савелия, добрался до запястий и исчез под рукавами. Он вздрогнул, снова взял лом и вопросительно посмотрел на меня.

— Сначала столб.

— Порог мешает.

— Ты получил силу исправить то, что назвал. Не то, что тебе удобнее.

Он выругался без злобы, вытащил клинья из основания

столба и обхватил дерево. В другой день троим пришлось бы раскачивать его четверть часа. Теперь Савелий дёрнул один раз. Столб вышел из земли с влажным чмоканьем. Белый пар мгновенно сгустился вокруг ладоней, и Савелий понёс бревно к старой зарубке, тяжело, но без остановки. Когда нижний конец лёг точно в прежнюю яму, пар пропал.

Только после этого мы выправили верёвку. Порог поднялся с третьего нажима. Маланья сунула под него каток, работники покатали плиту к грузовой площадке, и красильня стала первым домом на нашей улице, у которого исчез вход.

Я открыла долговую книгу. В ней на каждую улицу приходилось по четыре страницы: что обещали земле, что обещали дороге, что признали люди и что осталось после ухода. У Савелия значился всего один свежий долг. Я провела по строке ногтем. Чернила побледнели, словно запись выстояла лето на солнце.

— Закрыто, — сказала я.

Савелий размял пальцы.

— А если бы я сказал, что поставил столб не туда, но не упомянул зарубку?

— Силы хватило бы вытащить его. Поставить правильно — нет.

— А если бы сказал, что Маланья велела?

— Тогда пар пошёл бы не от тебя.

Маланья подняла брови.

— От меня?

— От перекрёстка. И я бы потом весь день выясняла, чем мы его накормили.

Савелий поспешно перекрестил пальцами воздух — старый дорожный знак, который давно уже делали скорее по привычке. До ближайшего перекрёстка было двадцать шагов. В середине мостовой темнел плоский камень с четырьмя насечками. На нём лежали три рябиновых листа, и ни один не шевелился, хотя ветер трепал снятую вывеску красильни.

Оставленные перекрёстки не любят, когда человек отдаёт им чужую вину. Чужая вина для них как бесхозная нить: тяни — и обязательно дойдёшь до обещания, которое никто не исполнил.

Я поставила в книге дату, велела Савелию обвязать порог красной верёвкой и вышла на середину улицы.

К этому часу город уже потерял половину дверей. Открытые проёмы глядели на прохожих с домашней незащищённостью. Где-то за стеной ещё варили кашу, а снаружи двое плотников снимали ту же стену с крюков. Дети собирали выпавшие из пазов щепки. Старики подписывали мелом доски, хотя каждый год клялись, что узнают свою спальню без всяких подписей. На телегах громоздились печные дверцы, оконные рамы, сундуки, разборные лестницы. Целыми оставались только каменные амбары на краю города: их никогда не везли. Мы передавали ключи следующему поселению, а на новой стоянке получали чужие амбары с чужими царапинами на стенах.

Так было устроено всё разумное: человек уносил необходимое, а не пытался присвоить землю вместе с домом.

— Варя!

Агафья стояла на крыше нашей мастерской и держала в руке медный лист. На фоне светлого неба она казалась вырезанной из тёмной бумаги: высокая, широкоплечая, с косой, завязанной на затылке узлом. Скат крыши под ней был уже наполовину разобран.

— Первый? — спросила она.

— Первый.

— Порог цел?

— Цел.

— Савелий?

— Тоже, к сожалению для соседей.

Она усмехнулась и сбросила медный лист помощнику. Потом показала на наш дом через два двора. Там пока всё оставалось на месте: семь окон, тёмно-зелёная крыша, крыльцо с двумя ступенями. На коньке сидела сорока, недовольная тем, что город разбирают без её разрешения.

— После обеда начну снимать северный скат, — сказала Агафья. — Мне нужна твоя комната до сумерек.

— У меня обход.

— У тебя каждый год обход. А потом я складываю твои карты вместе с бельём и нахожу межевые колышки в наволочках.

— В прошлом году был один.

— В прошлом году один проткнул наволочку.

Я пообещала прийти к полудню. Обещание было домашнее, не дорожное, но Агафья всё равно погрозила мне молотком. Она относилась к словам так же, как к деревянным соединениям: если деталь вставили в паз, нельзя делать вид, что она ни на чём не держит.

На площади меня ждали шесть человек и одна собака. Собака долга не имела, но уходить не собиралась. Рядом с водосборной чашей поставили походный стол председательницы. Мирослава Край раскладывала списки переселения и одновременно отдавала распоряжения трём артелям.

— Восточную улицу начинаем после полудня. Больницу — завтра на рассвете. Не складывайте черепицу у северных ворот, там пойдут тягловые быки. Варвара, у тебя закрыто сколько?

— Один.

— Уже девять часов.

— Часы в ящике врут.

— Они врут одинаково для всех.

Мирослава была на одиннадцать лет старше меня и умела превращать любой разговор в отчёт, даже если спрашивала, не холодно ли. Она носила коротко остриженные седые волосы, кожаный фартук и связку ключей, хотя половину городских замков уже сняли с дверей. В Ступенях говорили, что председательница могла бы руководить переходом во сне. Я подозревала, что во сне она составляла списки для

бодрствующих.

— Сегодня мелкие долги, — сказала я. — К завтрашнему дню закрою западный ряд.

— Мне нужна сила на ратушу. Каменное основание просело, обычными домкратами не взять.

— Значит, чините домкраты.

— В городе три тысячи человек. У каждого найдётся ошибка.

— И у каждой ошибки — свой вред.

Мирослава перевела взгляд на красильню. Савелий как раз устанавливал столб по старой зарубке.

— Его сила могла бы пригодиться на ратуше.

— Нет. Его сила могла пригодиться только там, где он передвинул столб.

— Пока никто не пробовал собирать признания вместе.

— Потому что мы хотим уйти отсюда городом, а не разбудить под площадью всё, чему наши прадеды что-нибудь обещали.

Мирослава поджала губы. Спорить дальше она не стала, но взяла чистый лист и положила поверх списков. Я знала этот её жест. Так она оставляла место для мысли, которую ещё не могла провести через совет.

Собака у моего сапога зарычала.

Не на меня. На человека, который появился между разобранной булочной и телегой с оконными рамами. Он был слишком молод для своей новой коричневой куртки и слиш-

ком тощ для сумки, набитой свёрнутыми картами. Из-за плеча торчали две складные рейки. За ухом белел кусочек мела.

— Левко Синь, — представился он, хотя мы уже встречались весной. — Городской картограф.

— Я помню.

— Вы обещали показать мне записи западной стоянки.

— Я обещала после первого снятого порога.

— Его сняли.

Я посмотрела на часы в ящике. Они отбили половину десятого, перепрыгнув через положенную четверть.

— Все сегодня следят за моими словами.

— Работа такая.

Он сказал это без улыбки. Левко вообще держался так, будто улыбка могла исказить измерение. Весной совет нанял его в замену старому картографу Даниле, у которого начали дрожать руки. Левко прибыл из города, стоявшего на одном месте уже семьдесят лет, и поначалу измерял наши улицы так, словно они собирались остаться здесь навеки. За лето он научился пометать на картах съёмные стены, поворотные колодцы и места, где зимой должны лечь временные мостки. Но к ежегодному исчезновению целого города всё ещё относился как к задаче, которую кто-то поставил нарочно, чтобы проверить его терпение.

Я усадила его за край стола Мирославы и достала из сумки западную карту. Пергамент был мягким на сгибах и хранил запах двенадцати осеней: дым, речную сырость, сосно-

вую смолу, яблоки, которые однажды раздавили прямо в картографическом сундуке. На нём были показаны наши прежние стоянки, каждая своим цветом. Город двигался по долине неровными ступенями, оттого и получил имя.

Левко прижал углы медными грузиками.

— Это текущая стоянка?

— Красная линия. Ставили двенадцать лет назад, потом вернулись сюда после полного круга.

— А чёрная?

— Дорога прежнего поселения. Её оставили свободной.

Он провёл пальцем вдоль линии, не касаясь пергамента. Чёрная дорога подходила к западным огородам и терялась у старого четырёхгранного камня. Дальше начиналась городская межа, начерченная моей рукой. Я узнала нажим пера, маленький излом возле ручья и кляксу в форме головастика. В двадцать пять лет мне казалось, что хорошая карта обязана быть красивой. Теперь я знала: достаточно, чтобы она не лгала.

— Здесь нет продолжения, — сказала я.

— В том и дело.

Левко вынул из сумки тонкую дощечку с натянутой поперёк нитью и положил поверх карты. Нить легла от чёрной дороги к нашей улице.

— Утром я проверял осевые метки перед вывозом камней. Старый путь продолжается на восток.

— Под дворами?

— Да.

— Там нет дорожного основания.

— Есть. На глубине двух локтей. Утрамбованный щебень, два ряда плоского камня и канавы по сторонам. Дорога шириной девять шагов.

Я ещё раз посмотрела на карту. Ветер пробежал по площади, поднял стружку, листы Мирославы и край пергамента. Медный грузик звякнул, но старая карта осталась на месте.

Чёрная линия стала длиннее.

Сначала мне показалось, что по пергаменту ползёт волос. Потом линия пересекла красную межу, прошла через два огорода и остановилась у маленького прямоугольника. Чернила выступали из сухой кожи медленно, по капле, точно карта вспоминала то, что я велела ей забыть.

Прямоугольник был нашим домом.

Левко резко убрал дощечку.

— Вы это видели?

Я прижала карту ладонью. Пергамент оказался холодным, как камень на перекрёстке. Под пальцами чувствовалась свежая выпуклость чернил.

— Никому не говори, — сказала я.

— Почему?

— Потому что я ещё не знаю, что именно вижу.

Это была трусливая половина правды. Вторую половину я знала слишком хорошо.

Двенадцать лет назад на западном склоне сгорело одина-

дцать домов. Люди стояли под дождём возле мокрых тюков, дети спали в телегах, а сухой земли внутри межи не хватало. Я чертила чистовую карту переселения до рассвета. Помнила свечной воск на пальцах. Помнила просьбу оставить старую дорогу открытой. Помнила, как передвинула красную черту на ширину ладони сперва в одном месте, потом в другом, пока на карте не поместилась новая улица.

Я сказала себе, что дорога давно мертва.

Теперь она вышла из-под чернил и упёрлась в наш порог.

На другом конце площади Агафья сняла с крыши первый лист меди. Сорока перелетела на трубу. Наш дом блеснул семью окнами, целый, тёплый, ещё не знающий, что стоит поперёк дороги, которой не должно быть.

Под моей ладонью карта едва заметно дёрнулась.

Как будто кто-то с той стороны потянул её к себе.

Глава 2. Город на полозьях

До полудня я успела закрыть ещё два долга и нарушить обещание сестре.

Первый принадлежал пекарю, который весной вывел дождевую трубу на соседский двор. Он честно назвал и трубу, и три затопленных мешка муки, после чего один перенёс тяжёлый медный жёлоб на другую сторону крыши. Второй долг оказался хуже: вдова Клеоника призналась, что позволила козам объесть молодые липы у южной дороги, но умолчала, что сама отвязала их ночью. Силы ей хватило поднять заступ, а вогнать его в землю — нет. Пришлось ждать, пока она выговорит всю правду. Когда последняя липа встала в выкопанную яму, часы в ящике пробили полдень дважды.

Я бежала домой через город, который уже нельзя было пройти по памяти.

На месте сапожной мастерской лежали шесть стеновых щитов, перевязанных пенькой. Переулок у бани перекрывала печь на толстых дубовых катках. Две соседние крыши исчезли, и улицу залил непривычный свет. Там, где вчера приходилось сворачивать у зелёной двери, теперь открывался прямой вид на западные ворота и жёлтые поля за ними. Люди двигались между разобранными домами уверенно, но иногда останавливались посреди знакомого двора, словно забывали, зачем пришли. Город менял лицо быстрее, чем жители

успевали менять привычки.

Наш дом лишился северной половины крыши.

Агафья стояла на верхней обвязке, где утром сидела сорока. Под ней темнели комнаты, открытые небу. Моя кровать была накрыта парусиной, шкаф вынесен во двор, письменный стол остался на месте и выглядел так, будто собирался переждать непогоду. Вокруг него лежали мои карты, аккуратно связанные по годам.

— Я пришла, — сказала я.

— Вижу.

— Всего на две четверти позже.

— Часы в ящике врут.

Я заслужила это и промолчала.

Агафья спустилась по приставной лестнице. На её плече белела известковая пыль, в волосах застряла древесная стружка. Она протянула мне маленький межевой колышек.

— Нашла под твоим тюфяком.

— Значит, не в наволочке.

— Варвара.

— Убираю.

Мы работали молча. Я складывала карты в кожаные чехлы, отделяя действующие от закрытых. Действующие поедут со мной на первой служебной телеге. Закрытые Агафья уложит в общий сундук с городскими книгами. Личные вещи помещались в один ящик: две рубахи, шерстяная кофта, запасные сапоги, кружка с отколотой ручкой. Всё остальное в

моей комнате либо принадлежало работе, либо было частью дома.

Дом собирал вещи за нас. В каждом стеновом щите имелись узкие полости. Перед переходом туда убирали полки, складные табуреты и оконные ставни. Кроватные доски становились боковинами грузового короба. Столешница закрывала ящик с посудой. Даже лестничные ступени нанизывались на железный прут и ехали под днищем. Агафья двенадцать лет улучшала каждое соединение. Наш дом разбирался быстрее соседских и вставал на новом месте без щелей.

Если бы я рассказала ей о дороге, она первым делом спросила бы, какие балки можно спасти.

Я не была готова услышать ответ.

— Ты сегодня тихая, — сказала она.

— Савелий не сломал порог. Я потрясена.

— А если серьёзно?

Я затянула ремень на чехле так сильно, что кожа скрипнула.

— Левко нашёл старое дорожное основание у западных дворов.

Агафья присела на край моего стола.

— Какое старое?

— Глубокое. Девять шагов шириной.

— Под чьими дворами?

— Пока не выяснили.

Это была почти ложь. Я ещё не признала её ошибкой и

потому не получила даже слабого тепла в ладонях. В нашем ремесле отсутствие силы не доказывало невиновности. Иногда оно лишь означало, что человек выбрал слова осторожнее совести.

Агафья смотрела на меня ещё мгновение, потом поднялась.

— Выясни до того, как мы поставим дом на полозья.

— Почему?

— Если под фундаментом старый камень, северная клеть может сесть неровно. Мне нужно знать, куда ставить домкраты.

Она говорила о досках и нагрузке. Пока только об этом. Я кивнула и взяла стопку карт.

Во дворе лежали наши полозья — две длинные лиственничные лыжи, загнутые впереди и окованные железом. Всё лето они служили скамьями под навесом. Теперь помощники Агафьи выкатили их на улицу и смазывали салом. Между полозьями уже установили поперечные балки. Когда стены сложат плоскими стопками, а вещи спрячут внутрь, весь дом уместится на этой раме. Восемь быков потянут его к новой стоянке. Мы пойдём рядом, подправляя катки на подъёмах.

Я коснулась переднего загиба. На дереве сохранились зарубки всех переходов: двенадцать коротких, одна длинная после переправы через разлившуюся реку и косой шрам от года, когда полоз сорвался в овраг. Дом пережил больше дорог, чем большинство людей.

— Не трогай жирными руками карты, — сказала Агафья. Я отдернула ладонь.

На улице показался Левко. Он нёс три рейки, лопату и свёрток, который прижимал локтем. За ним шли двое землекопов с кирками. Соседи провожали их взглядами. В разбираемом городе человек с лопатой всегда вызывает тревогу: осенью землю должны оставлять в покое.

— Я просила никому не говорить.

— Я никому не говорил, — ответил он. — Землекопам приказали проверить осадку западных фундаментов.

— Кто приказал?

— Вы. Только что.

Он протянул мне дощечку. На ней моим почерком было написано распоряжение. Чернила ещё блестели.

Я прочитала дважды. «Проверить глубину старого основания от четырёхгранного камня до западной улицы. В. Межина». Буквы повторяли мои, включая слишком узкую «ж». Но я не писала эту строку.

— Где взял?

— Лежала на карте, когда я вернулся за грузиками. Мирослава видела.

Агафья спрыгнула с крыльца и забрала дощечку у меня из рук.

— Это твоя подпись.

— Нет.

— Похожа.

— Поэтому и нет. Я никогда не ставлю точку после имени на рабочих метках.

Агафья перевернула дощечку. С обратной стороны древесины была серой и гладкой. Такие бирки мы оставляли на перекрёстках вместе с записями исполненных обещаний. Их выбеливали дождь и зима. Свежее распоряжение на старой дорожной бирке не написал бы ни один сборщик.

Левко заметил это одновременно со мной.

— Откуда она?

— Не знаю.

Один из землекопов кашлянул.

— Так копать или не копать?

Я хотела отослать их. Хотела спрятать дощечку в долговую книгу, закончить разбор дома и убедить себя, что чёрная линия на карте появилась от сырости. Но земля уже вытолкнула дорогу навстречу Левко. Если под нашим фундаментом лежало старое основание, оно не исчезнет от моего молчания.

— Копать, — сказала я. — Только вручную. Начните от четырёхгранного камня. Каждую найденную кромку отмечайте колышком. Под стены без меня не лезть.

Белый пар не появился. Распоряжение исходило от меня и вреда пока не причиняло.

— Я с ними, — сказал Левко.

— Сначала покажи свои весенние измерения.

Он развернул свёрток на снятой двери, положенной через

козлы. Это была новая карта Ступеней — сухая, точная, без единой кляксы. Левко нанёс не только дома и улицы, но каждый межевой камень, водосток, старый пень и глубину почвы в пробных ямах. Наш дом обозначался цифрой семьдесят четыре. Красная городская межа проходила под его западной стеной.

— Неправильно, — сказала я. — Межа в четырёх шагах от стены.

— По чистовой карте — да. По камням — нет.

— Какой камень ты принял за межевой?

— Все.

Он показал цепочку отметок. Четырёхгранный камень у старой дороги. Круглый возле бывшего сада. Ещё два, которые за лето никто не замечал, потому что один служил основанием скамьи, а второй оказался внутри погреба. Если соединить их, линия пересекала три двора и уходила под наше крыльцо.

— Камни могли сдвинуть, — сказала я.

— Могли. Поэтому я сверил расстояния с описью двенадцатилетней давности.

Он достал лист тоньше остальных. Не карту — перечень промеров, сделанных до переселения. Почерк принадлежал старому Даниле. Я помнила, как он диктовал числа, а я заносила их в черновик.

От четырёхгранного камня до ручья — сто восемьдесят два шага. От ручья до круглого — шестьдесят четыре. От

круглого до северной канавы — девяносто один. На новой карте Левко расстояния совпадали.

На моей чистовой карте между теми же точками появились лишние двадцать семь шагов городской земли.

— Пергамент мог растянуться, — сказала Агафья.

Левко покачал головой.

— Тогда растянулись бы все расстояния. Здесь лишняя полоса только между ручьём и канавой.

Сестра повернулась ко мне.

Я вспомнила одиннадцать мокрых семей на телегах. Вспомнила, как Данила уснул, уронив голову на руки. Как я взяла чистый лист и провела межу заново. Двадцать семь шагов сухой земли. Достаточно для домов, если поставить их тесно. Я не думала, что спустя двенадцать лет кто-нибудь сравнит числа. Вернее, думала, но решила, что к тому времени мы будем далеко, камни уйдут в землю, а спасённые дети вырастут.

Дети действительно выросли. Камни остались.

— Я проверю исходный черновик, — сказала я.

— Где он? — спросил Левко.

— В городском сундуке.

— Который сейчас грузят?

— Значит, успеем до отправки.

Я свернула его карту. Левко придержал край.

— Варвара, это не ошибка измерения.

— Не тебе решать.

— Я картограф.

— Ты картограф четыре месяца.

— А числам двенадцать лет. Им всё равно, сколько мне.

Агафья положила ладонь на карту между нами.

— Хватит. Левко, води людей от камня. Варя, достань черновик. До стены дойдёте — позовёте меня. Я должна знать, на чём стоит дом.

Она сказала «дом», и спор закончился.

Городской сундук вывозили с площади на низкой телеге. Четверо архивных служителей шли по сторонам, придерживая его верёвками. Я перехватила их возле водосборной чаши и потребовала открыть двенадцатый год. Старший служитель, сухой человек по имени Панкрат, посмотрел на небо так, словно надеялся найти там правило, запрещающее тревожить уложенные бумаги.

— Сундук опечатан до новой стоянки.

— Печать моя.

— И председательницы.

Мирослава оказалась рядом прежде, чем я успела послать за ней. Она осмотрела телегу, моё лицо и дощечку с поддельным распоряжением.

— Что ищем?

— Черновые промеры западной межи.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Из-за старой дороги?

Левко всё-таки сказал ей достаточно, чтобы она сложила части. Или карта показала сама. Я протянула дощечку.

— Это нашли на моих бумагах.

Мирослава прочитала надпись и провела большим пальцем по точке после подписи.

— Не твоя.

Я испытала нелепую благодарность. Агафья сомневалась, Левко сравнивал. Мирослава знала мои служебные привычки, потому что двенадцать лет читала мои записи.

— Но распоряжение разумное, — добавила она. — Открывайте сундук.

Печати срезали. Служители выстроили ящики прямо на площади, среди снятых ставен и связок черепицы. Каждый год хранился отдельно. Двенадцатый лежал внизу. Пока его доставали, часы пробили два, на этот раз почти вовремя.

В папке оказались списки семей, расчёт воды, план зимних дров, жалобы на тесноту и моя чистовая карта. Черновика не было.

— Данила всегда сдавал промеры, — сказал Панкрат. — Без них год не закрывали.

— Вот опись, — ответила я.

В описи значился «лист западных измерений, один». Напротив стояла моя подпись о приёме.

— Значит, лист был, — сказала Мирослава.

— Был.

— Кто мог его взять?

Я знала ответ. В ту ночь папка лежала у меня. Данила ушёл спать. Погорельцы ждали решения. Я перенесла числа на карту, а черновик с настоящей межей сложила пополам и сунула за подкладку дорожной сумки. Потом собиралась вернуть. Потом решила, что он только породит спор. Весной сумка промокла при переправе, и я сожгла испорченные бумаги, не разбирая.

По крайней мере, так я помнила.

— Двенадцать лет — долгий срок, — сказала я. — Могли переложить не туда.

Ладони оставались холодными.

Мирослава закрыла папку.

— Найди. Если старая дорога проходит под домами, я должна изменить порядок вывоза. Каменное основание может удержать полозья.

— До вечера.

— До третьего удара после заката.

Она поставила срок как рабочий человек, не как дух. Но возле чаши вдруг затихла вода. Струя из медной трубы продолжала падать, только плеск исчез. Люди на площади не заметили. Я заметила, потому что сборщик долгов всегда слушает места, где звук перестаёт подчиняться вещи.

В чаше отражалось ясное небо. По его голубизне прошла тонкая чёрная черта и разделилась надвое.

Перекрёсток услышал срок.

Я захлопнула крышку сундука.

Когда мы с Левко вернулись на западную улицу, землекопы уже поставили восемь колышков. Они шли от четырёхгранного камня ровной цепью, пересекали огород Клеоники и двор бочара. Девятый стоял у нашего забора.

Агафья сняла обе створки ворот и разбирала косяк. Увидев нас, она вытерла ладони о фартук.

— Нашли черновик?

— Нет.

— А они нашли дорогу.

Землекоп сидел на корточках у забора. В узкой яме, под слоем чёрной земли, лежал плоский белёсый камень. Его край уходил под двор. Рядом тянулась канава, плотно забитая песком. Всё было именно так, как описал Левко.

— Дальше не копали, — сказала Агафья. — Ждали тебя.

Я перешагнула через яму. От камня тянуло холодом, хотя день стал тёплым. Под подошвами отозвалась едва заметная дрожь. Не земля дрожала — что-то глубже неё словно перебирало один за другим уложенные камни.

— Отмерь девять шагов, — велела я Левко.

Он натянул шнур поперёк дороги. Один край лёг возле забора. Второй оказался под северной стеной нашего дома.

Агафья смотрела на шнур.

— Половина кухни, лестница и большая клеть, — перечислила она. — Если основание под ними, придётся менять точки подъёма.

— Мы ещё не знаем, что дорога требует прохода.

— Я не о том, чего она требует. Я о том, где лежит.

Сестра всегда умела отделить угрозу от работы, которую можно сделать руками. Она взяла длинный железный щуп и вонзила его в землю у стены. На глубине двух локтей металл стукнул о камень. Агафья переставила щуп ближе к крыльцу. Снова камень. Ещё на шаг. Камень.

Линия шла точно к порогу.

Наш порог был дубовый, широкий, потемневший от времени. Когда-то отец вырезал на внутренней стороне две маленькие зарубки — по одной на каждую дочь. После его смерти Агафья вставила в трещину медную скобу. При каждом переходе мы снимали порог последним и ставили первым. Пока он лежал между косяками, дом считался домом, даже если вокруг оставалась одна рама.

Агафья опустилась на колено и смахнула землю с нижней ступени.

— Снимать не буду, — сказала она.

— Сегодня и не нужно.

— Не буду, пока ты не скажешь, почему на твоей карте дорога кончается у нашего забора.

Левко отвернулся, будто проверял натяжение шнура. Землекопы отошли к телеге. Они делали вид, что заняты кирками, но на тихой улице слышали каждое слово.

Я могла назвать ошибку здесь. Сказать: я передвинула межу, спрятала промеры и поставила наш дом на обещанном проходе. Если признание окажется достаточно точным, сила

придёт. Но она позволит исправить только названный вред. Возможно, мои руки тут же получают способность вырвать порог и разобрать стены. Возможно, дорога потребует всё, что стоит на ней. Я не имела права запускать это, пока половина города не готова к переходу и Агафья не знает цены.

— Потому что в чистовой записи другая межа, — ответила я.

— Это я вижу.

— До вечера найду основание для изменения.

— Основание уже под моей кухней.

Она встала. Между нами лежал натянутый шнур Левко, тонкий и прямой.

— Варя, ты знала?

Вопрос был коротким. Ошибка — большой. Я выбрала пространство между ними.

— Я знала старые промеры, — сказала я. — Но считала дорогу закрытой.

На этот раз холод ушёл из ладоней. Между пальцами появился слабый белый пар.

Совсем немного — его не хватило бы поднять даже оконную раму. Но Агафья увидела.

Левко тоже.

Сила признала мои слова правдой. И одновременно показала, что это не вся правда.

Из-под дома донёсся стук.

Один удар, потом второй, потом третий — ровный звук

камня о камень. Он прошёл от северной стены к крыльцу и замер под дубовым порогом.

Агафья положила на него ладонь.

— Там кто-то идёт, — сказала она.

Я посмотрела на улицу. Все девять колышков повернулись в земле, хотя ветра не было. Их метки теперь указывали в одну сторону — на наш дом.

— Нет, — ответила я. — Это дорога пришла.

Глава 3. Дух без кривого слова

Все девять колышков повернулись к нашему порогу.

Не наклонились от ветра и не просели в рыхлой земле. Каждый провернулся вокруг себя, оставив в грунте ровный круг, и лёг плоской стороной метки к дому. Последний, у самой канавы, развернулся даже против натянутого шнура. Верёвка скрипнула, соскользнула с зарубки и прочертила по земле белую линию.

Землекопы перестали притворяться, что заняты кирками.

— Мы своё сделали, — сказал старший. — Основание нашли. Дальше без дорожного сборщика нельзя.

Он обращался ко мне, но уже пятился к телеге. Второй подхватил лопаты. Никто из них не попросил расчёта за недокопанный день. Когда старая дорога сама указывает на чей-то порог, разумный человек считает оставшуюся плату подарком и уходит.

— Стойте, — сказала я. — Заберите колышки.

— Они ваши.

— Вы их принесли.

— Были наши. Теперь смотрят не на нас.

Старший перекрестил воздух двумя пальцами и повёл людей прочь. Колёса телеги загрохотали по разобранной улице. На старых камнях звук был звонким, на земле — глухим. Когда телега пересекла цепочку колышков, стук исчез совсем.

Колёса продолжали вращаться, железные ободы ударялись о плиты, но дорога не отдавала ни звука.

Агафья выпрямилась возле порога.

— Это он?

— Пока только место, — ответила я.

— Место не подделывает твой почерк.

Левко поднял старую бирку. Свежие чернила на ней высохли и стали буроватыми. Точка после моей подписи расплылась, словно её поставили мокрым гвоздём.

— Если это сделал дух, — сказал он, — почему он ошибся в подписи?

— Не ошибся. Повторил знак, которым двенадцать лет назад заверили запись.

— Там была точка?

Я помнила страницу слишком хорошо. Моя подпись под чистовой картой стояла без точки. Данила, сдавая промеры, ставил после имени маленький круглый след. Он говорил, что слово без точки продолжает работать по ночам. Я смеялась над ним, пока была моложе и пока моя собственная запись не протянула под домом дорогу.

— Точка была у другого писца, — сказала я.

— У Данилы?

— Возможно.

— Ты снова выбираешь половину ответа, — заметила Агафья.

Белый пар у моих пальцев давно растаял. Оставшееся по-

сле него тепло держалось под кожей, но силы не прибавилось. Я могла поднять свою долговую книгу, могла отшвырнуть колышек, могла, если очень постараться, вывернуть из стены небольшую скобу. Всё это я умела и без признания. Слова приняли как правдивые, но вреда ими я не назвала, а значит, исправлять было нечего.

Под порогом снова стукнул камень.

Медная скоба, которую Агафья когда-то вбила в дуб, задрожала. Из трещины посыпалась сухая пыль. Сестра опустилась на корточки и положила ладонь на дерево.

— Холодный.

— Убери руку.

— Это мой порог.

— Поэтому убери.

Она посмотрела на меня так, как смотрела на перекошенную балку: не злилась, а решала, куда поставить подпорку. Потом всё же отняла ладонь. На коже осталось четыре серых полосы, будто она коснулась не дерева, а давно не метённой дороги.

Я достала из сумки дорожный мел и очертила вокруг порога прямоугольник. Линия вышла неровной. Мел крошился и не хотел оставлять след на камнях старого основания. Тогда я надрезала большой палец краем медной застёжки и провела по белой черте кровью.

Левко дёрнулся.

— Это обязательно?

— Нет. Обязательно не наступать внутрь.

Я замкнула линию. Кровь впиталась в мел и стала почти чёрной. Тишина, стоявшая над дорогой, сжалась к нашему двору. С соседней улицы доносились молотки, крики погонщиков, скрежет снимаемой крыши. Здесь же я слышала только дыхание Агафьи и шелест разворачиваемой карты в руках Левко.

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь узнаем, кто имеет право говорить.

Я раскрыла долговую книгу на западной улице. Страница сама перелистнулась назад — не на один год, а сразу на двенадцать. Бумага в том месте пожелтела по краям. Чернила исчезли из большинства строк, потому что прежние мелкие долги были закрыты. Остались три записи: обещание очистить канаву, обязательство не ставить жильё ближе девяти шагов к четырёхгранному камню и строка, перечёркнутая моей рукой.

Через зачёркивание ещё можно было разобрать: «Проход от западной дороги до северной канавы остаётся за перекрёстком до исполнения срока».

Ниже не хватало продолжения.

— Ты это перечеркнула? — спросил Левко.

— Я закрывала год.

— Это не ответ.

— Да, перечеркнула я.

Пар не появился. Простая правда, не называющая ошиб-

ку, силы не даёт. Но зачёркнутая строка проступила темнее, и под ней показались вдавленные следы ещё одного предложения. Я наклонила страницу к свету. Буквы не читались: когда-то их вывели на лежавшем сверху листе, а в книге остался только нажим пера.

Левко достал мел.

— Если положить тонкую бумагу и провести боком...

— Не надо.

— Почему?

— Потому что это книга обязательств, а не школьная доска. Здесь след может принять твой мел за новую запись.

Он спрятал кусок, но неохотно.

Агафья встала с другой стороны очерченного порога.

— Двенадцать лет назад мы ставили дом, когда дорогу уже засыпали. Ты сама выбрала участок.

— Выбрала.

— Ты знала про эту строку?

Я увидела не нынешний двор, а дождливый склон, голые столбы и одиннадцать телег, накрытых мокрым полотном. В одной плакал ребёнок. В другой лежала женщина с обожжёнными руками. Город тогда пришёл поздно, после пожара на прежней стоянке. Сухой земли не хватало. Западный участок пустовал лишь потому, что старый перекрёсток потребовал сохранить проход. Я решила, что мёртвая дорога не важнее живых людей.

Решение до сих пор казалось мне правильным.

То, что я сделала после него, — нет.

— Я знала, что дорогу оставляли, — сказала я. — Не знала, что обязательство осталось открытым.

На этот раз книга дёрнулась у меня в руках. Не сильно — так натягивается повод, когда лошадь почуяла воду. Вдавленные буквы на странице налились серым.

«...до исполнения срока».

— Какого срока? — спросила Агафья.

Из дома ответил скрип.

Не обычный голос дерева, которое весь день освобождали от крыши и креплений. Звук шёл снизу вверх. Сначала застонали камни под кухней, потом доски пола, затем лестница. По стене пробежала мелкая дрожь. Один за другим раскрылись все оставшиеся оконные ставни, хотя засовы держали их изнутри.

В проёмах стало темно.

День не померк. На улице по-прежнему лежало медовое осеннее солнце, блестела стружка, синело небо. Но за каждым окном нашего дома вместо комнат тянулась одна и та же дорога. Плоские камни уходили вдаль между двумя рядами чёрных трав. Над ними висело бесцветное небо без солнца. Дорога была видна под разными углами и всё равно шла прямо на смотрящего.

Левко подошёл ближе.

— Ваша кухня больше дома.

— Не подходи к окну.

— Я не внутри линии.

— Дорога не обязана уважать мой мел. Он нужен людям, чтобы помнить границу.

В самом дальнем окне возник человек.

Он был так далеко, что сначала казался тёмной зарубкой на камнях. Потом шагнул, и расстояние сложилось. Через мгновение фигура стояла уже за стеклом, хотя на дороге не прозвучало ни одного шага. Она была выше любого из нас, узкая в плечах и прямая. Серое дорожное платье состояло будто из множества наложенных друг на друга листов. По краям проступали строчки, печати и обрывки подписей. Лица не было. Вместо него белела гладкая дощечка с единственной чёрной точкой.

Агафья нащупала молоток за поясом.

— Не бей, — тихо сказала я.

— Пока не собиралась.

— Именно поэтому предупреждаю сейчас.

Фигура подняла руку. Пальцы были длинными, суставчатыми, словно их вырезали из писчих перьев. Один коснулся окна изнутри.

Стекло не треснуло. Оно выпало целиком вместе с рамой и легло на землю внутри меловой черты. Не разбилось, только стало серым. Из открытого проёма пахло мокрым камнем, лошадиным потом и дымом давнего пожара.

Дух переступил через подоконник.

Пока его нога не коснулась двора, он оставался плоским,

как запись на листе. Потом одежда обрела складки, руки — толщину, а белая дощечка лица повернулась ко мне. Чёрная точка была не нарисована. Это была дыра, маленькая и глубокая, уходившая туда, где сходятся все четыре дороги.

Я подняла долговую книгу.

— Назови перекрёсток, которому принадлежишь.

Дух ответил голосом Данилы:

— Западный проход от четырёхгранного камня до северной канавы.

Левко втянул воздух. Я слышала старого картографа так отчётливо, будто он снова сидел за столом, ворчал на дождь и растирал онемевшие пальцы. Но Данила никогда не проносил слова так ровно. У живого человека в каждой фразе есть лишнее: дыхание, сомнение, желание понравиться или поскорее закончить разговор. Дух оставлял только смысл, записанный когда-то его голосом.

— Назови того, кто говорит, — потребовала я.

— Говорит обязательство, для которого вы не оставили имени.

— Значит, имени у тебя нет.

— В книге назван перекрёсток.

— Перекрёсток — место. Я спрашиваю говорящего.

— Говорит обязательство.

Агафья крепче сжала молоток.

— Он будет так весь день?

— Пока не исчерпает точный ответ.

Белая дощечка повернулась к ней.

— День завершится после заката. Я могу говорить после его завершения.

— Не предлагай ему новые возможности, — сказала я.

— Я спросила тебя.

— Он слышал слова.

Дух снова повернулся ко мне. Его одежда шелестела страницами. На верхнем слое я различила свою подпись, на следующем — печать совета, ещё глубже — перечень промеров Данилы. Строки двигались при каждом повороте тела, но не смешивались.

— Люди называют тебя Буквальником? — спросила я.

— Люди называли меня так на улице, когда слышали точные ответы.

— Ты принимаешь это имя?

— Им можно отличить говорящего от других обязательств.

— Тогда я обращаюсь к тебе как к Буквальнику западного прохода.

Чёрная точка на лице стала шире и снова сузилась. Для духа это, вероятно, означало согласие.

— Предъяви требование, — сказала я.

Буквальник вытянул руку. Из рукава вышла не ладонь, а узкая полоска пергамента. Она легла на раскрытую книгу и приросла к странице. Вдавленная строка наполнилась чернилами.

Я прочла вслух:

— «Полоса шириной девять шагов от четырёхгранного камня до северной канавы городу не передаётся. Одиннадцать лет город может ставить на ней жильё для семей, лишившихся домов от огня. До ухода последней телеги в одиннадцатую осень жильё снимается, камни очищаются, и проход остаётся свободным».

После последнего слова пергамент отделился от книги и снова стал рукой.

Во дворе никто не шевельнулся.

Договор оказался хуже угрозы. У угрозы можно искать слабое место: преувеличение, страх говорящего, цену, которую он не готов заплатить. Здесь слабого места не было. Нам дали одиннадцать лет. Погорельцев прямо назвали. Дом разрешили поставить. А потом велели снять.

— Сейчас двенадцатая осень, — сказал Левко.

— Да, — ответил Буквальник.

— Почему ты не явился год назад?

— Последняя телега в одиннадцатую осень не ушла.

Я сразу поняла, о чём он. Прошлой осенью у Агафьи сломалась ступица на грузовой телеге. Мы оставили её у западного амбара, потому что амбары переходили следующему поселению, а телегу собирались забрать весной. Весной забыли. Она всё ещё стояла там без колёс, заваленная старой черепицей.

— Телега была непригодна к движению, — сказала я.

— В договоре не сказано, что последняя телега должна быть пригодна.

— Она не уходила вместе с городом.

— В договоре сказано «до ухода последней телеги». Последняя телега не ушла.

— Значит, срок не наступил?

— Не наступил.

Агафья коротко выдохнула. Левко улыбнулся краем рта, будто увидел решение в трудной задаче. Я не разделяла их облегчения. Если срок не наступил, Буквальник мог ждать. Он явился сейчас не потому, что мы просрочили обязательство, а потому, что кто-то — или сама дорога — решил довести его до исполнения.

— Если мы не вывезем ту телегу, срок не наступит никогда, — сказал Левко.

— Верно, — ответил дух.

— И проход можно не освобождать?

— Неверно.

Улыбка исчезла.

— Объясни, — велела я.

— Одиннадцать лет город мог ставить жильё. Одиннадцать лет завершились. Жильё должно быть снято. Срок «до ухода последней телеги» определяет последний допустимый момент исполнения, а не право продолжать пользование полосой после одиннадцатой осени.

Он не повысил голоса и не сделал шага. Но под домом ото-

звались все камни сразу. Пол в кухне поднялся на толщину пальца и лёг обратно. Со стены сорвалась деревянная ложка.

Агафья переступила меловую линию, прежде чем я успела схватить её.

— Не трогай мой дом.

Буквальник повернулся к ней.

— Я не трогал дом.

— Пол ходил.

— Под полом поднималась дорога.

— На дороге стоит дом.

— Да.

— Значит, когда ты поднимаешь дорогу, ты трогаешь дом.

На белом лице духа ничего не изменилось. Он молчал так долго, что я услышала, как за соседним двором плотник выронил гвоздь.

— Верно, — сказал Буквальник.

Это единственное слово подействовало на Агафью сильнее, чем оправдание. Она опустила молоток.

— Ты можешь лгать? — спросил Левко.

— Могу произнести только то, что записано, сказано при перекрёстке или следует из этих слов без добавления намерения.

— Это не ответ «да» или «нет».

— Слово «ложь» требует знания о несоответствии сказанного известному. У меня нет знания вне записанного, сказанного при перекрёстке или следующего из этих слов.

Левко посмотрел на меня.

— Нет, — перевела я. — Но он может не знать того, чего не было в записи.

— Я сказал именно это, — подтвердил Буквальник.

— Нет, ты сказал длиннее.

— Да.

Несмотря на страх, Агафья фыркнула. Дух повернулся к ней, но не нашёл в звуке вопроса.

Я обошла меловую линию снаружи и остановилась напротив Буквальника. Между нами лежал выпавший оконный переплёт. В сером стекле отражались не лица, а буквы: мои — с нажимом вправо, Данилины — круглые, служебные — узкие. Если дух состоял из договора, спорить с ним о справедливости сейчас было всё равно что спорить с весами. Сначала надо понять, что именно положили на чашу.

— Полоса не передавалась городу, — сказала я. — Но договор разрешал жильё для семей, лишившихся домов от огня. Наш дом принадлежит мне и Агафье. Мы не погорельцы.

— В год записи западная артель строила жильё для одиннадцати семей. Дом на этом месте записан за семьёй Крутовых.

— Крутовы уехали через две зимы.

— Да.

— После них участок пустовал.

— Сорок три дня.

— Потом мы перенесли сюда свой дом.

— Да.

— Договор запрещал смену жильцов?

— Нет.

— Значит, наше проживание само по себе его не нарушило.

— Верно.

Левко быстро записывал ответы на обороте старой карты. Агафья следила за духом и медленно выравнивала дыхание. Я знала этот её вид: перед ней снова была работа. Страшная, возможно несправедливая, но измеримая.

— Что именно должно быть убрано с полосы? — спросила я.

— Жильё.

— Определи жильё.

— То, что город записал как дом и где люди спали, хранили огонь и укрывались от непогоды.

— Вещи?

— В договоре не названы вещи.

— Печь?

— Печь является частью жилья, пока соединена с ним.

— Разобранные стены?

— Перестают быть жильём, если не могут укрывать людей от непогоды.

— Фундамент?

— Камни прохода должны быть очищены.

Агафья заговорила впервые после признания духа:

— Если я разберу дом и сложу стены на полозья за пределами девяти шагов, обязательство исполнено?

— Если жильё снято с полосы и камни прохода очищены до ухода последней телеги.

— Дом останется нашим?

— Договор не передаёт мне дом.

Сестра посмотрела на меня.

В её взгляде было торжество мастера, который нашёл соединение, и злость человека, которому двенадцать лет не сказали, что балка гнилая. Дом можно было разобрать. Дом можно было сохранить. Для неё это пока было главным.

— Ты говорил, что он требует дом, — сказала она.

— Я говорила, что не знаю, чего потребует дорога.

— А думала?

— Думала, что цена может быть такой.

— Удобная разница.

Буквальник поднял руку.

— Слова «требует дом» не произносились при моём появлении.

— Не вмешивайся, — одновременно сказали мы с Агафьей.

— Вы обе обратились ко мне?

— Нет, — ответила я.

— Да, — сказала сестра. — Я обратилась. Запомни: если две сестры спорят, точные слова не всегда помогают.

— Я могу запомнить слова только как часть обязатель-

ства.

— Тогда ничего не запоминай.

— Это возможно.

Агафья закрыла глаза. Я впервые за день захотела рассмеяться, но смех застрял где-то под рёбрами.

С площади донеслись три удара часов. Мирослава дала мне срок до третьего после заката, а не до дневного колокола, но звук всё равно заставил книгу дрогнуть. Буквальник повернул белое лицо на восток.

— Председательница назвала срок для поиска основания изменения карты, — сказал он.

— Ты слышал это у водосборной чаши?

— Чаша стоит над ветвью западной дороги.

— Ты сделал надпись на бирке?

— Я повторил распоряжение, которое могло привести к обнаружению прохода.

— Моим почерком.

— Почерком, которым был закрыт год.

— И подписью Данилы.

— Точкой, которой был принят лист измерений.

Левко перестал писать.

— Значит, лист всё-таки приняли в архив? — спросил он.

— На листе поставили знак принятия.

— Это не одно и то же, — сказала я.

— Верно.

— Где лист сейчас?

— Мне неизвестно.

— Ты видел, кто его забрал?

— Перекрёсток не видит. Он удерживает слова и пересечения.

— Кто последним пересёк дорогу с этим листом?

Буквальник замер.

Строки на его одежде пришли в движение. Слой с перечнем Данилы вышел наверх, потом ушёл под мою подпись. Чёрная точка на лице расширилась так, что белая дощечка стала похожа на пробитую дверь.

— Женщина, названная Варварой Межиной, сказала: «Я отнесу промеры в городской сундук», — произнёс дух моим молодым голосом.

Агафья не вздрогнула. Только переложила молоток из правой руки в левую.

— Отнесла? — спросила она.

Буквальник ответил прежде меня:

— Действие не пересекало западный проход после произнесения слов. Мне неизвестно.

Он не обвинял. Не говорил, что я солгала. Просто положил рядом обещание и отсутствие известного ему исполнения.

— Я приняла папку, — сказала я. — Закрыла год и передала записи служителям.

Пар не появился.

— А лист? — спросил Левко.

— В папке должен был быть лист.

— Был?

Вопрос пришёл не от духа, поэтому отвечать оказалось труднее.

— Не помню наверняка.

Это была ложь другого рода: не прямая, не пригодная Буквальнику, но знакомая любому человеку. Я помнила, как сложила лист. Помнила край, торчавший из подкладки. Не помнила только, в какой день решила больше его не возвращать. За двенадцать лет решение обросло удобным туманом, и я научилась называть туман отсутствием памяти.

Агафья постучала молотком по ладони.

— До вечера, — сказала она. — Ты обещала найти основание изменения. Найдёшь и расскажешь мне всё. Не совету первой, не своему картографу, не этому ходячему листу. Мне.

— Расскажу.

Буквальник повернул к нам лицо.

— Слово «всё» не имеет границы.

— А ты не подслушивай семейные обещания, — огрызнулась Агафья.

— Я стою на перекрёстке, где оно произнесено.

— Варя, убери его.

Я посмотрела на духа.

— Ты предъявил требование. Что удерживает тебя здесь?

— Открытый проход.

— Ты будешь стоять во дворе до разбора дома?

— Я могу находиться в любом пересечении, связанном с обязательством.

— Тогда выбери четырёхгранный камень. Там ты не мешаешь работе.

— Для выбора требуется условие договора или признанное право выбирающего.

Я раскрыла книгу на странице своей должности. Под именем стояла старая формула: «Сборщик говорит от города только о месте исполнения, но не меняет долг и срок».

— Как сборщица земельных обязательств Ступеней я назначаю местом предъявления четырёхгранный камень, начало западного прохода. Долг и срок не меняю.

Буквальник наклонил голову.

— Право записано.

Он шагнул назад на серое стекло. Его тело снова стало плоским. Одежда рассыпалась листами, листы сложились в одну длинную полосу и втянулись в оконный проём. За всеми окнами дорога качнулась, будто её увидели сквозь воду. Потом комнаты вернулись: кухня без ложки на стене, голая лестница, связки досок в большой клет.

Выпавшая рама осталась на земле. Стекло снова сделалось прозрачным.

У четырёхгранного камня, за девять шагов от забора, появилась высокая серая фигура. Теперь Буквальник стоял неподвижно, повернув белое лицо к городу. Прохожие на

дальнем конце улицы заметили его и остановились. Через минуту о духе узнает площадь. Ещё через пять — Мирослава. До вечера тайна не доживёт.

Левко смотал шнур.

— Он дал нам время.

— Нет, — сказала я. — Время дал договор двенадцать лет назад. Мы потратили его и забыли посмотреть, сколько осталось.

— Но срок до последней телеги. Можно вывезти сломанную последней, когда всё будет готово.

— Можно. И пока она здесь, дорога будет подниматься под домом. Ты слышал, как он разделил срок и право пользования.

— Значит, разберём дом раньше.

Агафья наклонилась над выпавшей рамой, проверила углы и стекло.

— Разберём, — сказала она. — Но не сегодня. Сначала укреплю северную стену, чтобы она не села на камни. Потом снимем кухню отдельным щитом. Половики, печные листы и лестницу вынесем за шнур. Если дорога поднимется ещё раз, дом перекосит.

Она уже распределяла работу, и от этого мне стало страшнее. Пока дом был предметом требования, я могла защищать его словами. В руках Агафьи он превращался в балки, крюки и последовательность действий. Всё становилось возможным, включая потерю.

— Не начинай без меня, — сказала я.

— Я двенадцать лет строила без твоего разрешения каждую новую часть.

— Сейчас другое.

— Да. Сейчас я знаю, что под кухней дорога, а ты знала раньше.

Она подняла раму и понесла под навес. Я хотела возразить, но любое возражение упиралось в то, чего я ещё не сказала.

Левко сложил карту и протянул мне свои записи.

— Мирославе сообщим вместе?

— Ты останешься здесь. Отметишь девять шагов по всей длине прохода и проверишь, какие ещё дома стоят на полосе.

— Три двора по весенней карте.

— Дом — не двор. Проверяй стены, печи, погреба. Ничего не копай без хозяев. И не задавай Буквальнику вопросов, если не знаешь, зачем тебе ответ.

— Он не лжёт.

— Поэтому опаснее человека, который лжёт. Лжец оставляет тебе сомнение. Точный ответ легко принять за всю правду, даже когда ты задал слишком узкий вопрос.

Левко посмотрел на старую бирку.

— Как с листом промеров.

— Именно.

— Ты правда не помнишь, где он?

Я закрыла долговую книгу.

— До третьего удара после заката я должна найти основное изменение карты.

— Это снова не ответ.

— Учишься.

Я направилась к площади. На перекрёстке пришлось пройти рядом с Буквальником. Вблизи его серое платье шевелилось без ветра. Среди строк я увидела ещё одну, прежде скрытую складкой: «Подтверждаю исправление межи по условиям временного жилья». Под ней стояло имя Мирославы Край.

Я остановилась.

— Председательница подписала изменение?

— Да.

— Она видела исходные промеры?

— Мне неизвестно.

— Кто произнёс слова об исправлении межи?

— Женщина, названная Варварой Межиной, сказала: «Исправила по решению о погорельцах». Женщина, названная Мирославой Край, сказала: «Если сухой земли хватает и проход закрыт, принимаю».

Сердце ударило так сильно, что я почувствовала его в порезанном пальце.

— Я сказала, что проход закрыт?

— В приведённых словах это условие произнесла Мирослава Край.

— Я подтвердила условие?

— После её слов ты поставила подпись.

Вот как я сделала это. Не солгала вслух. Не написала, что договор исполнен. Позволила Мирославе произнести удобное условие и подписалась под ним. Я убедила себя, что подпись подтверждает новую межу, а не её предпосылки. Буквальник родился из такого же ремесла — из щелей между точными словами, куда человек прячет намерение.

— Варвара! — позвала Агафья со двора. — Ты идёшь или собираешься спорить с ним до зимы?

Я сделала шаг с перекрёстка.

— Иду на площадь.

— Сначала сюда.

В её голосе не было просьбы. Я вернулась за меловую линию. Агафья стояла у полозьев, держа в руках два железных упора.

— Поставь под северную балку, — сказала она. — Раз уж дорога решила ходить, дом не должен ходить вместе с ней.

Мы подняли край балки обычным рычагом. Слабая сила от моего неполного признания ничем не помогла: вред, который я назвала, не требовал удерживать дом. Агафья навалилась плечом, я подложила первый упор, потом второй. Левко принёс клинья. Встроём мы закрепили стену.

Под землёй снова прошёл стук — от четырёхгранного камня к северной канаве. На этот раз балка не дрогнула.

— Вот теперь иди, — сказала Агафья. — И к вечеру принеси не основание для изменения карты. Принеси причину,

по которой ты решила, что можешь одна поставить мой дом на чужой дороге.

Она вытерла руки и поднялась на крыльцо.

Я осталась возле упоров. На одном железе проступил белый след моей ладони. Он не светился и не грел, но повторял все линии кожи. Сила ждала точного вреда, а я всё ещё называла только удобные части.

За забором Буквальник стоял у начала прохода и смотрел вслед первой телеге, отправлявшейся к новой стоянке. Она везла окна больницы. Потом прошла вторая с амбарными дверями, третья с разобранной красильней.

Каждая приближала последнюю.

Глава 4. Сила признанной ошибки

Мирослава встретила меня на половине дороги к площади.

За ней шли двое членов совета, Панкрат с архивным ключом и человек восемь любопытных, которые делали вид, что просто несут в ту же сторону оконные рамы. В разобранном городе слухи двигались быстрее людей: им не приходилось обходить снятые стены.

— Где дух? — спросила Мирослава.

— У четырёхгранного камня.

— Почему у нашего дома стоит серый человек без лица?

— Потому что четырёхгранный камень у нашего дома.

— Не сейчас, Варвара.

Она прошла мимо, не дожидаясь меня. Я развернулась и пошла рядом. Члены совета зашептались. Один из них, торговец кожами Харитон, спросил, опасно ли смотреть Буквальнику в лицо. Я ответила, что опаснее задавать ему глупые вопросы. Харитон тут же отстал на несколько шагов.

У перекрёстка толпа уже выросла. Дети пробовали бросать в духа жёлуди. Жёлуди пролетали сквозь серое платье и падали на старые камни, после чего Буквальник точно называл, откуда их бросили. Взрослые оттаскивали детей, но сами не расходились. Левко натянул вдоль прохода две верёвки и вбивал новые колышки. Агафья сняла с дома ещё одно

окно и теперь заколачивала проём косыми досками.

Мирослава остановилась перед духом.

На его одежде сразу поднялся верхний слой с её подписью.

— Ты знаешь меня? — спросила она.

— Женщина, названная Мирославой Край, поставила знак принятия под исправлением межи.

Люди вокруг загудели. Председательница бросила на меня короткий взгляд.

— Я не спрашивала о меже.

— Ты спросила, знаю ли я тебя.

— Достаточно, — вмешалась я. — Мирослава, отойдём от камня.

— Я имею право услышать договор.

— Имеешь. Но сначала реши, хочешь ли обсуждать старую подпись при всей улице.

Она посмотрела на толпу. Харитон немедленно отвернулся к пустому забору, будто всю жизнь интересовался устройством петель. Мирослава жестом отослала членов совета на площадь. Любопытные двинулись следом неохотно. Панкрат задержался, но председательница забрала у него архивный ключ и велела проверить погрузку сундука.

Когда вокруг осталось только пятеро, я раскрыла долговую книгу и прочла строку договора. Мирослава слушала, не перебивая. На словах о последней телеге её брови поднялись.

— Та развалина у западного амбара считается телегой?

— Считается.

— Значит, не трогаем её до конца перехода.

— Она не продлевает право держать дома на полосе.

— Но даёт время.

— Даёт крайний срок. Дорога уже поднимается.

— Подпорки выдержат?

Агафья ударила молотком по клину.

— Если Буквальник не решит поднять все камни разом.

— Я не решаю поднимать камни, — сказал дух. — Дорога освобождает себя по мере приближения срока.

— Насколько быстро? — спросила Мирослава.

— Быстрота не записана.

— Очень полезно.

— Я не обещал пользу.

Мирослава посмотрела на меня, словно я нарочно привела на переход особенно несговорчивого проверяющего.

— Почему он заговорил сейчас?

Я показала старую бирку. Рассказала о чернеющей линии, найденных камнях и распоряжении, написанном моим почерком. О пропавшем листе сказала только, что архивная опись подтверждает его прежнее существование. Агафья слушала со двора. Я чувствовала её молчание между каждой фразой.

— Моё принятие было законным, — сказала Мирослава, когда я закончила. — Совет дал погорельцам сухую землю.

— При условии, что проход закрыт.

— Ты сказала, что исправила межу по решению о погорельцах.

— Я не сказала, что проход закрыт.

— Ты подала карту без дороги.

— А ты приняла её без промеров.

Буквальник повернул лицо от одной к другой, будто следил за мячом.

— Не при нём, — сказала Мирослава.

— Почему? Он не передаст сплетню.

— Передаст точные слова каждому, кто сумеет спросить.

Она была права. На площади любой советник мог потребовать повторить разговор, если докажет связь с обязательством. Дух не умел хранить тайну и не понимал, зачем живые делят правду на своевременную и несвоевременную.

— До вечернего срока я восстановлю порядок событий, — сказала я. — Сейчас надо проверить, как близость Буквальника меняет силу признаний.

— На ком? — спросил Левко.

— Не на ком. На каком вреде.

Я оглядела улицу. Нужен был долг маленький, свежий и такой ясный, чтобы даже совет не сумел добавить к нему удобное толкование. У соседнего двора женщина по имени Клеоника вытаскивала из земли яблоневого подпорки. Весной она расширила канаву и выбросила глину на край старой дороги. Это значилось в книге, но до осени не мешало: трава скрывала насыпь. Теперь через двор предстояло катить сте-

ны.

— Клеоника! — позвала я.

Она сделала вид, что не слышит. Потом увидела Мирославу, духа и долговую книгу и поняла, что оглохнуть поздно.

— У меня дом разобран наполовину, — сказала она, подходя. — Если вы насчёт канавы, я после погрузки.

— Именно насчёт неё. Покажи.

За огородом тянулась водоотводная ложбина. Клеоника углубила её возле грядок, а вынутую липкую глину свалила дальше по склону. За лето комья высохли в твёрдый вал высотой по колено. Он пересекал край девятишагового прохода и закрывал боковую канаву.

— Вода всё равно ушла, — сказала Клеоника. — И яблони не залило.

— Куда ушла?

Она показала вниз. Вода нашла обход и промыла борозду вдоль соседского забора. Один столб уже накренился.

— Это поправить недолго.

— Поправь.

Клеоника взяла лопату, вонзила в вал и налегла. Железо вошло на толщину ногтя. Сухая глина звякнула почти как кирпич.

— Я же говорю: после погрузки. Позову сыновей, они раздолбят кирками.

— Скажи, что сделала ты.

— Выкопала канаву.

Ничего не произошло.

— Это работа, а не ошибка.

— Свалила землю не туда.

Над валом поднялась слабая белёсая пыль и потянулась к Буквальнику. Дух не шевельнулся, но строки на его платье зашелестели.

— Остановись, — сказала я. — Ты назвала место так, будто не знала, куда валишь. Знала?

Клеоника нахмурилась.

— Видела дорожные камни. Решила, что дорога старая и никому не нужна. Мне надо было спасти корни от воды.

От её ладоней пошёл белый пар. Он обвил пальцы, запястья и рукоять лопаты. Клеоника ахнула, когда железо само углубилось в глину до половины штыка.

— Не спеши, — предупредила я. — Что именно ты назвала?

— Что свалила землю на старую дорогу.

— И что из-за этого случилось?

Она посмотрела на промытую борозду.

— Вода пошла вдоль забора Онуфрия и расшатала столб.

Пар стал гуще. Клеоника подняла лопату вместе с огромным пластом глины и легко отбросила его в сторону. Люди у домов снова начали собираться. Белая сила всегда привлекала больше зрителей, чем тяжёлая работа, хотя длилась обычно меньше.

— Сними вал с дорожных камней и открой старую канаву,

— сказала я. — Потом укрепи столб Онуфрия. На другое силу не тратить.

Клеоника принялась за работу. Каждый удар лопаты откалывал кусок, который двум мужчинам пришлось бы катить на рычаге. Она расчистила плиты до серой поверхности, нашла под глиной канаву и выбросила забившие её корни. Белый пар не уменьшался.

— А теперь сюда, — сказал Левко и показал на следующий ком.

Клеоника ударила. Лопата отскочила, едва не попав ей в колено.

— Почему?

— Этот ком за краем дороги, — объяснила я. — Он не закрывает канаву и не гонит воду к соседу. Ты не назвала вред от него.

— Но он из той же кучи.

— Для тебя — куча. Для признания — только то, что причинило названный вред.

Мирослава подошла к валу.

— Пусть скажет, что испортила весь склон.

— Я не портила весь склон, — возмутилась Клеоника. — Здесь земля никому не мешает.

— Вот поэтому не скажет.

— Тогда пусть признает, что выбрала для яблонь неправильное место. Силы хватит пересадить их на новую стоянку.

— Яблони растут хорошо, — сказала Клеоника. — Я их

не трону до весны.

— А если признаешь ошибкой то, что их вообще посадила? — спросила Мирослава.

Белый пар на миг вытянулся в её сторону, но тут же вернулся к рукам хозяйки.

— Не подсказывай формулировку, — сказала я.

— Я проверяю предел.

— Предел проверяет тот, кто причинил вред. Иначе ты учишь человека называть удобную вину.

Клеоника расчистила последний камень. Пар заметно поредел, но не исчез. Она перешла к забору Онуфрия, выпрямила столб и утрамбовала землю вокруг основания. Когда столб встал по отвесу, белое облако растаяло.

— Всё? — спросила она.

Я провела пальцем по записи в книге. Чернила побледнели, но не исчезли полностью. На дороге оставались два глиняных пятна.

— Вред исправлен, но обязательство прохода не твоё. Убери рыхлую землю обычной лопатой, чтобы телега не скользнула, и долг закрыт.

Клеоника попробовала поднять прежний огромный ком. Теперь он не сдвинулся. Она выругалась, позвала сыновей и вместе с ними начала дробить глину.

Мирослава наблюдала молча.

— Ты увидела то же, что я? — спросила она.

— Сила закончилась там, где закончился названный вред.

— Она очистила дорогу быстрее троих работников.

— Свою часть дороги.

— Если собрать сто таких частей, очистим всю западную улицу до сумерек.

— Если сто человек действительно причинили сто разных повреждений и каждый исправит своё — да.

— А если они отдадут силу артели?

— Клеоника не смогла ударить ком за границей вреда. Как ты отдашь артели то, что не выходит за эту границу?

Мирослава подняла лопату и осмотрела лезвие.

— Мы всегда считали признание личным. Может быть, потому и не умеем складывать его.

— Или потому, что оно не складывается.

— Ратушу надо снять до дождя. Северный домкрат треснул, запасной под больницей. У меня двести человек, которые сегодня всё равно будут исправлять мелкие долги. Их сила вспыхнет и пропадёт.

— Не пропадёт. Она сделает то, для чего пришла.

— А после?

— После её нет.

— Вот это и есть потеря.

Мне хотелось взять лопату из её рук. Не потому, что она могла ею навредить, а потому, что Мирослава уже видела не железо. Она видела рукоять, к которой можно привязать сто белых нитей.

Левко подошёл с картой прохода.

— Под домом Клеоники только угол погреба. Основная стена за границей. У бочара дорога пересекает сарай, а дальше — пустой двор.

— Значит, наш дом единственный жилой целиком? — спросила Агафья.

— Не целиком. Половина кухни, лестница и большая клеть, как вы сказали.

— Половины достаточно, чтобы развалить всё.

Мирослава вернула лопату Клеонике.

— На площади через час соберётся совет. Варвара, ты покажешь им этот опыт.

— Нет.

— Это приказ председательницы перехода.

— Сбор признаний не входит в твои полномочия.

— Проверка безопасного способа снять ратушу входит.

— Безопасного способа у тебя пока нет.

— Поэтому и проверим.

Буквальник у камня повернул лицо к площади. Чёрная точка стала похожа на след пера.

— Слово «собрать» было произнесено о силе признаний, — сказал он.

— Тебя не спрашивали, — отрезала Мирослава.

— Не спрашивали.

— Тогда молчи.

— Пока ко мне не обратятся или не возникнет новое обязательство, связанное с проходом, я могу молчать.

— Можешь или будешь?

— Могу.

Председательница сжала губы. Агафья, не отрываясь от доски, сказала:

— С ним надо просить так, как заказываешь оконную раму. Размер, дерево, срок и что считать готовым.

— Не уверена, что хочу учиться разговаривать с ним, — ответила Мирослава.

— Тогда не начинай собирать то, что он слышит.

Это прозвучало весомее моего предупреждения. Мирослава уважала мастеров, потому что они отвечали за вещи, падающие на людей. Но от идеи не отказалась. Я видела по тому, как она смотрит на белые следы, оставшиеся на рукояти лопаты.

— Один опыт ничего не доказывает, — сказала она. — Нужен второй. С проступком, который не касается этой дороги, чтобы исключить влияние Буквальника.

— Разумно, — признал Левко.

— Не помогай ей.

— Я помогаю измерению.

— Измерение, сделанное ради готового решения, называется подпоркой.

Агафья подняла железный упор.

— Подпорка хотя бы честно держит то, подо что её поставили.

Мы нашли второй случай у грузовой площадки. Возчик

Никифор летом снял ограничительное кольцо с оси, потому что оно скрипело, и заменил сыромятным ремнём. Утром ремень лопнул, колесо соскочило, телега с печными плитами завалилась набок. Никого не задело, но груз перекрыл проезд.

Никифор уже привёл двух быков и пытался поднять телегу воротом. Верёвка натянулась, рама скрипела, колесо лежало в стороне. Вокруг ругались погонщики: за опрокинутым грузом застряли ещё семь повозок.

— Я всё исправлю, — сказал Никифор, увидев книгу. — Ремень оказался гнилой.

— Ты знал, что вместо кольца ремень ставить нельзя?

— Все ставят, когда железо скрипит.

— Все сейчас лежат поперёк площадки?

— Не все ремни гнилые.

— Твой был гнилым?

Он присел, поднял оборванный конец и растянул между пальцами. Кожа была свежей. Разрыв прошёл у самой пряжки, где ремень тёрся об острый край ступицы.

— Не гнилой, — сказал Левко.

— Скоба его перерезала, — признал Никифор.

— Почему ты не поставил кольцо обратно? — спросила я.

— Оно звенело всю дорогу. Я снял его, чтобы не слушать, и привязал колесо ремнём, хотя видел острый край. Из-за этого ремень порвался, колесо сошло и телега перекрыла выезд.

Пар окутал его руки так густо, что пальцы исчезли. Никифор ухватился за край телеги и один поднял нагруженную раму. Погонщики закричали. Один попытался подсунуть колесо, но я остановила его.

— Никифор, что исправляешь первым?

— Выезд освобождаю.

— Ты назвал ещё колесо и ремень.

— Если поставлю колесо, выезд освободится.

Он удерживал телегу без видимого усилия, однако пот выступил у него на лбу. Сила не заменяла решение. Она только позволяла телу сделать то, что требовалось для исправления.

— Положи груз на свободный край, — сказала я. — Потом установи кольцо. Не ремень.

Никифор перенёс каждую печную плиту за границу проезда. Пока он работал, Мирослава подвела к телеге треснувшую балку от ратушного настила.

— Возьми её тоже, — приказала она. — Раз уж руки свободны.

Никифор взялся за балку. Белый пар отшатнулся от дерева. Балка не сдвинулась.

— Она мешает выезду? — спросила Мирослава.

— Нет, — ответил он.

— А если положить её поперёк?

— Не смей, — сказала я.

Председательница не положила. Только провела ладонью по трещине.

— Я проверила границу.

— Ты была готова создать новый вред, чтобы направить на него силу.

— Не была.

— Тогда зачем спросила?

— Чтобы понять правило.

Никифор поставил железное кольцо, которое всё это время лежало у него в ящике с инструментами. Колесо село на ось. Когда он вернул плиты на телегу и вывел её с площадки, пар исчез. Треснувшая балка осталась там же.

— Второй случай, — сказала я. — Буквальник далеко, результат тот же.

— Значит, дух не забирает часть силы себе.

— Мы этого не проверяли.

— Никифор получил достаточно, чтобы поднять телегу. Клеоника — чтобы разбить глину. Сила соразмерна исправлению.

— И не выходит за него.

Мирослава взяла меня под локоть и отвела к краю площадки. Здесь пахло горячим железом: кузнецы снимали обода с запасных колёс. За их спинами возвышалась ратуша без крыши. Верхний этаж уже разобрали, но первый, сложенный из толстых дубовых рам, стоял на каменном основании. Северный угол заметно просел. Под него завели два винтовых домкрата. Один был исправен, у второго лопнула резьбовая гайка.

— Если пойдёт дождь, — сказала Мирослава, — глина размокнет. Домкрат уйдёт в землю, рама сядет и раздавит нижние венцы. Мы потеряем ратушу или потратим день на разбор по щепке. День у нас есть?

— Не знаю.

— А Буквальник знает?

— Быстрота дороги не записана.

— Тогда мы должны работать так, будто дня нет.

Я не спорила. В этом была сила Мирославы: она умела превратить неизвестность в порядок действий. Та же способность делала её опасной, когда порядок требовал подчинить себе чужую вину.

— Почини гайку, — сказала я.

— Кузнец обещает к ночи. Запасной домкрат держит больницу. Можно снять его оттуда и остановить вывоз больных. Можно разобрать ратушу топорами, потеряв половину бруса. Можно найти ещё двадцать работников и поднять раму рычагами, но они сейчас нужны на западной улице. Или можно понять, как использовать то, что сегодня всё равно появляется в руках горожан.

— Оно появляется не для ратуши.

— Пока не для ратуши.

— Ты хочешь, чтобы люди признали вредом то, что не подняли её заранее?

— Возможно, каждый из нас отложил работу, которая теперь мешает переходу.

— Я не отвечаю за твою ратушу.

— Но хранила там долговую книгу. Левко получал карты. Агафья утверждала строительные планы. Советники собирались в зале. Город пользовался домом.

— Польза не создаёт вины.

— А общая небрежность?

— Небрежность должна состоять из поступков. Кто ослабил угол? Кто не проверил основание? Кто отложил ремонт? Их признания могут дать силу исправить именно это. Остальные только произнесут чужие слова.

— И что тогда случится?

Я посмотрела на запад. Буквальника отсюда не было видно, но старая дорога проходила под площадью одной из своих ветвей. Я вспомнила белёсую пыль, потянувшуюся от неточного признания Клеоники к духу.

— Сила найдёт того, кому подходит бесхозная вина.

— Это твоя догадка.

— Это ремесленный опыт всех сборщиков.

— Никто не пробовал на сотне человек.

— Падение с крыши тоже не проверяют сотней людей, если первый сломал шею.

Мирослава отпустила мой локоть.

— Клеоника не пострадала.

— Потому что я остановила её на расплывчатых словах.

— Тогда будешь стоять на сходе и останавливать каждого.

— Нет.

— Варвара, мне нужна не вера и не суеверие. Мне нужен способ провести город до новой стоянки.

— А мне нужно не разбудить под ним все старые обещания.

— Один дух уже проснулся.

— Именно.

Она отвернулась к ратуше. Работники уцелевшим домкратом приподнимали северный угол по доле пальца и подкладывали дубовые пластины. Медленно, зато без магии. Каждый оборот винта отзывался стоном дерева.

— Через час совет всё равно соберётся, — сказала Мирослава. — Я предложу учёт признаний. Не принуждение. Люди добровольно назовут мелкие ошибки, а мы запишем, сколько силы возникает и куда она может быть направлена.

— Слово «учёт» ничего не меняет.

— Меняет порядок.

— Не природу.

— Тогда приходи и объясни природу лучше меня.

Она пошла к работникам, оставив меня у сложенных печных плит.

Никифор вернулся с телегой. Железное кольцо звенело на каждой кочке. Он морщился, но не снимал его.

— Закрыто? — спросил он.

Я открыла книгу. Строка о колесе побледнела полностью.

— Закрыто.

— А звон теперь до новой стоянки терпеть?

— Можешь смазать кольцо.

Он уставился на меня, потом хлопнул себя по лбу.

— Почему я весной не смазал?

— Потому что снять было быстрее.

— Если я признаю, что поленился искать сало, сила поможет найти его сейчас?

— Нет. Ноги помогут.

Никифор засмеялся и повёл быков к поварской телеге. Его простая радость от закрытого долга показалась мне почти неприличной. На западной улице стоял дух, под нашим домом шевелилась дорога, а председательница собиралась превратить человеческие ошибки в городской припас.

Левко догнал меня у водосборной чаши.

— Я нанёс весь проход. Девять шагов сохраняются до северной канавы. Есть отклонение у площади.

— Какое?

— Дорога раздваивается под чашей. Одна ветвь идёт к старому амбару, другая — под ратушу.

Я посмотрела на воду. В ней отражалась ратуша без крыши. По голубому небу отражения тянулись две чёрные линии и сходились точно под просевшим северным углом.

— На весенней карте этого нет, — сказал Левко.

— Потому что ветвь глубже.

— Или потому что Буквальник её только что протянул.

— Он не создаёт дорог. Он соединяет слова, которые уже были сказаны.

— Откуда ты знаешь?

Я не знала. Так учили сборщиков: дух перекрёстка не строит, а напоминает; не придумывает, а связывает. Но ни один учитель не стоял рядом с духом, родившимся из двенадцатилетней подмены карты.

— Спроси его, — предложил Левко.

— Сначала надо понять правильный вопрос.

У чаши лежал чистый лист Мирославы. Тот самый, который утром она положила поверх списков, оставляя место для ещё не оформленной мысли. Теперь на нём появилась строка её рукой:

«Общий запас силы для осеннего перехода».

Ниже стояли три пустые графы: имя, признанная ошибка, назначение силы.

Лист прижимал медный грузик с ратушной печатью.

Я подняла его за край. Вода в чаше перестала плескаться. На поверхности отразилось белое лицо Буквальника, хотя сам он находился в трёх улицах отсюда.

— Не обязательство, — сказала я вслух. — Только предложение.

Отражение не ответило.

Я перевернула лист чистой стороной вверх и положила обратно под грузик. Через бумагу проступали слова Мирославы, читаемые наоборот.

Сила признанной ошибки не была запасом. Она была дорогой от поступка к исправлению. Мирослава уже искала ме-

сто, где эту дорогу можно пересечь и повернуть к ратуше.

А всякая новая развилка рано или поздно становилась перекрёстком.

Глава 5. Дом двух сестёр

Когда я вернулась, Агафья сняла с дома имя.

Медная дощечка с двумя переплетёнными буквами лежала на верстаке среди гвоздей. Отец вырезал первую букву для матери, вторую мы добавили сами, уже после его смерти. Получилось неровно: моя «В» была уже и глубже, Агафьиная «А» широко раскинула ножки, будто собиралась удерживать всю стену. Двенадцать переездов дощечка висела над дверью. Теперь на её месте темнели две дырки.

Дом без неё казался чужим складом.

Северный скат был разобран до стропил. Черепица стояла в ящиках, каждый восьмой ряд переложили соломой. Оконные рамы Агафья связала попарно и прислонила к телеге. В большой клети оставались стол, печной кожух и два сундука; остальная утварь уже исчезла в дорожных коробах. Но полость под домом были заклинены, а у ступеней лежала поперёк цепь.

Так Агафья останавливала работу. Не криком, не приказом — железом там, где никто не мог сделать вид, будто не понял.

— Сними цепь, — сказала я.

Она отмерила мелом длину снятой балки и только потом подняла голову.

— Зачем?

— До дождя надо опустить стены на полозья.

— Куда повезём?

— На новую стоянку.

— Весь дом?

Я посмотрела на провал пола возле кухни. Между досками уже проступала серая кромка дорожной плитки.

— Пока не знаю.

— Тогда цепь остаётся.

На верстаке рядом с медной дощечкой лежала раскрытая тетрадь. Агафья вела её с первой перестройки: сколько куплено дерева, у кого взяты скобы, какая стена потяжелела после сырого года, какую балку пора переворачивать. Я никогда не заглядывала дальше последних страниц. Мне хватало знать, что дом у сестры посчитан до гвоздя. Теперь тетрадь была открыта в самом начале.

Двенадцать лет назад там значились четыре обугленные стойки, две уцелевшие рамы, печная дверца и долг плотнику. Больше у нас ничего не было.

— Мирослава созывает совет, — сказала я. — Она хочет записывать признания жителей и назначение силы.

— Я слышала.

— Я буду против.

— Хорошо.

— Под площадью нашлась ветвь дороги. Если люди наговорят общей вины, Буквальник может получить силу.

— И это тоже я слышала.

Агафья закрыла тетрадь. Не хлопнула — просто положила ладонь на обложку и медленно опустила её. От этого движения мне стало неуютнее, чем от цепи.

— Ты обещала рассказать всё до вечера, — сказала она. — Вечер ещё не пришёл, но совет ты нашла время предупредить. Клеонику нашла. Возчика нашла. Даже старый домкрат осмотрела. А ко мне пришла, когда понадобилось снять цепь.

— Я пришла сейчас.

— Тогда рассказывай сейчас.

Я села на перевёрнутый ящик. Из разобранной крыши было видно, как быстро бежали облака. В доме всегда существовало своё небо — прямоугольник окна, полоска над трубой, отражение в тазу. Теперь настоящее небо проваливалось внутрь, и спрятаться от него было нигде.

Агафья осталась стоять.

— В ту осень после пожара, — начала я, — мы ставили город у Каменного Брода. Сухой берег был узким. Совет выделил погорельцам землю возле западной дороги, но по старым промерам девятишаговый проход оставался за перекрёстком. На городской стороне помещалось семь дворов. Семей было одиннадцать.

— Это я помню. Я спрашиваю не о пожаре.

— Черновой промер сделал Данила. Я перепроверила цепь. Ошибки не было. Тогда я передвинула черту на двадцать семь шагов и подала чистовую карту, будто проход за-

крыт.

— Мирослава знала?

— Она знала, что семь дворов мало. Знала, что я принесла новую черту. Спросила, закрыт ли проход. Я сказала: «Дорога не используется». Она велела внести исправление и подписала принятие.

— А про одиннадцать лет?

— Было дополнение к договору. Погорельцам разрешали жить на полосе одиннадцать лет. Потом строения надо было снять и очистить камни до ухода последней телеги.

— Кто поставил срок?

— Мы с Мирославой. Я предложила одиннадцать лет. Думала, к тому времени город уйдёт далеко и старый перекрёсток забудет дорогу.

— Ты, сборщица долгов перед перекрёстками, решила, что перекрёсток забудет долг.

— Да.

Белый пар не появился. Я назвала решение, но ещё не назвала вред. Магия умела отличать исповедь от признания лучше людей.

— Где черновик? — спросила Агафья.

— Спрятала в архиве между промокшими листами. Потом, кажется, сожгла вместе с ними.

— Кажется?

— Я помню огонь и мокрую связку. Не помню, вынула ли лист перед тем, как бросить её в печь.

— А свою память тоже подправила начисто?

Я не ответила.

Агафья подняла медную дощечку и провела пальцем по моей букве.

— В ту осень ты сказала мне, что совет отдал нам землю навсегда.

— Я сказала, что земля городская.

— Не прячься за словами Буквальника. Ты принесла колышки и сказала: «Ставь здесь, сестра. До колодца близко, почва сухая, дорога закрыта». Я спросила, не придётся ли снова двигать дом весной. Ты сказала: «Теперь только вместе с городом».

Я помнила. Агафья стояла посреди выгоревшего двора с платком на обожжённых волосах. Вокруг валялась мокрая зола. У неё не было сил выбрать сторону света, не то что участок. Я воткнула колышек и дала ей уверенность, которой сама не имела.

— Сказала, — подтвердила я.

— Поэтому я поставила главные стойки не по краям старого сруба. Я взяла длинные, чтобы потом наращивать дом. Поэтому сделала печь в середине, а не у дорожной стены. Поэтому каждую осень меняла не место, а сам дом. Ты дала мне не участок, Варя. Ты дала мне срок без конца.

Она редко называла меня Варей. Так было, когда я болела, когда умер отец и когда три года назад балка придавила мне ногу. Это имя не смягчало её голос. Оно снимало с меня

должность.

— Я хотела, чтобы у нас был дом.

— Хотела ты. Строила я.

— Мы обе.

— Нет. Ты привозила деньги. Первые годы — половину, потом меньше. Покупала скобы, договаривалась с возчиками, доставала сухой лес. Это много. Но ты не стояла ночами у протекающего ската. Не вынимала каждую осень паклю и не забивала новую. Не придумала складные ступени, чтобы твоя больная нога не цеплялась за высокий порог. Не меняла три раза дымовой ход, потому что ветер на новых местах всегда другой.

Она раскрыла тетрадь примерно посередине.

— Вот восьмой год. Южная клеть. Я разобрала отцовский верстак и пустила доски на её пол, потому что новых не хватило. Вот девятый. Ты была на северном переходе, когда у нас лопнул продольный брус. Я взяла балку у больницы в долг и вернула весной две. Вот десятый. У тебя поднялась горячка, и я одна вывела дом из топи. Ты этого даже не помнишь.

— Помню запах горелой смолы.

— Это я жгла мокрые полозья, чтобы они подсохли. Трое суток.

За открытой стеной прошла телега с дверями. Возчик хотел окликнуть нас, увидел цепь и молча отвернулся. В разобранном городе чужая ссора становилась такой же видимой,

как постель без стены. Люди учились смотреть мимо.

— Я не говорю, что дом только мой, — сказала Агафья.
— Я говорю, что он не только твоя ошибка.

— Я этого не утверждала.

— Ты привела к порогу духа, объявила ему место и обсуждаешь с советом, что можно снять с нашей земли. Меня кто-нибудь спросил?

— Буквальник не забирает дом. Он требует освободить проход.

— Половина кухни, лестница и большая клеть стоят на проходе. Сними их — северная стена повиснет. Убери центральную балку — две клетки перестанут быть домом. Ты слышишь удобное: дух не требует стен. А я слышу настоящее: он требует разобрать то, что связывает стены.

Я подошла к провалу у кухни. Под первой плитой уже открылся желтоватый шов. Дорога входила под печной кожух, пересекала лестницу и уходила к большой клетке. Агафья была права: Буквальнику не требовалось владеть нашим домом. Ему хватало потребовать пустое место там, где дом держал себя целым.

— Что ты предлагаешь? — спросила я.

— Сначала скажи, что предлагаешь ты.

— Найти точную границу. Отделить всё, что можно увезти, не закрывая дорогу. Остальное разобрать до последней телеги.

— А если отделить нельзя?

— Тогда выполнить договор.

— Вот. Ты уже решила.

— Договор не спрашивает, нравится ли нам его выполнять.

— Зато ты могла спросить, согласна ли я отдать двенадцать лет труда за твою ложь.

— Я не прошу тебя отдавать их за мою ложь.

— А за что?

Я посмотрела на медную дощечку. В глубине моей буквы осталась зелёная медная пыль.

— За свободную дорогу.

— Красивые слова ничего не меняют. Дорогу закрыла ты. Совет принял ты. Дом строила я. Теперь освобождать проход почему-то должны мы обе.

— Потому что дом общий.

— Ошибка тоже общая?

— Нет.

— Тогда не дели её цену поровну.

Белый пар коснулся моих пальцев. Совсем тонкий, как дыхание на холоде. Я не произнесла признания вслух, но слово «нет» легло точно. Ошибка была не общей.

Агафья заметила пар.

— Не смей сейчас получать силу.

Я сжала кулак. Пар просочился между пальцами и тут же исчез.

— Я ничего не называла.

— Назвала достаточно для себя. А мне потом что — благодарить, что твоё раскаяние помогло быстрее разобрать мою стену?

— Сила не позволит мне разобрать твой труд, если это не исправляет вред.

— Ты уверена?

— Сегодня проверила дважды.

— На куче глины и колесе. Не на доме.

В этот раз спорить было нечем.

С улицы донёсся сухой щелчок. Один из дорожных камней поднялся возле крыльца ещё на толщину ногтя. Нижняя ступень качнулась. Агафья поставила ногу на край, проверяя опору, и сразу убрала.

— Я пойду к Буквальнику, — сказала она.

— Зачем?

— Спрошу, кому принадлежит дом.

— Он не решает споры о собственности.

— Ты спрашивала?

— Нет.

— Значит, пойдём.

Она сняла с гвоздя рабочий плащ. Я хотела остановить её, но всякая причина звучала бы как попытка снова оставить решение при себе. Поэтому я взяла долговую книгу, и мы пошли вместе.

Буквальник стоял у четырёхгранного камня. Вокруг него обозначили круг золой, хотя я никому этого не приказыва-

ла. За кругом сидели трое детей и складывали из щепок маленькие дома. Увидев нас, они собрали игрушки и убежали.

На сером платье духа появилась строка с именем Агафьи. Ниже проступили даты покупок, долгов и работ. Буквы ложились слоями: «две дубовые скобы», «балка больничная возвратная», «помощь артели на три дня», «южная клеть». Дом существовал на нём не рисунком, а перечнем усилий.

Агафья остановилась перед кругом.

— Кому принадлежит дом Межиных?

— Слово «принадлежит» не определено в обязательстве прохода.

— Кто обязан его убрать?

— Строения с девятишаговой полосы убирают те, кто их поставил, либо те, кто принял обязательство освободить полосу.

— Я обязательство принимала?

— Нет.

— Я знала о нём?

— Знание не записано.

— Я ставила дом на полосе?

— Ты поставила четыре стойки после того, как Варвара Межина указала границы двора. Затем ты заменила три стойки, добавила две клетки, перенесла лестницу и укрепила основание.

— Значит, обязана убрать?

— Ты поставила строение на полосе.

— Потому что сборщица сказала, что полоса городская.

— Причина не изменяет положения строения.

— А вина?

— Слово «вина» не записано в обязательстве.

Агафья коротко рассмеялась.

— Вот и весь твой судья.

— Я не называла его судьёй.

— Нет. Ты только готова исполнить его требование.

Буквальник повернул лицо ко мне.

— Требование состоит в освобождении прохода. Суждение о людях не требуется.

— Молчи, — сказала я.

— Это приказ?

— Нет.

— Тогда ответ завершён.

Агафья обошла круг и приблизилась к четырёхгранному камню с другой стороны.

— Если Варвара признает, что солгала о меже, какую силу она получит?

— Сила следует к исправлению вреда, названного ею.

— Если она скажет, что из-за её лжи мой дом стоит на чужой полосе?

— Сила сможет убрать препятствие с полосы.

— Весь дом?

— Лишь то, что препятствует проходу.

— Кто решит, что препятствует?

— Дорога.

Под нашими ногами прошла дрожь. Зола вокруг духа треснула тонкой линией.

— А если я не соглашусь? — спросила Агафья.

— Согласие владельца строения не включено в условие освобождения прохода.

— Удобно.

— Удобство не обещано.

Она повернулась ко мне.

— Теперь понимаешь? Твоя сила не отличит мою стену от твоей лжи. Дорога выберет, что ей мешает. Ты получишь крепкие руки и назовёшь это исправлением.

— Тогда я не стану признавать вред такой формулой.

— Какой станешь?

Я открыла книгу, но не посмотрела в неё. Нужные слова нельзя было найти среди старых записей.

— Я сознательно перенесла межу и скрыла действующий проход. Из-за этого ты двенадцать лет вкладывала труд в дом, который нельзя увести целиком. Этот вред не исправить разбором дома.

Пар появился сразу. Он обвинил запястья и потянулся не к дороге, а к Агафьиной тетради под её рукой. Обложка приподнялась, страницы быстро перелистнулись сами и остановились на первом году. Чернила на строчках выступили густо, будто запись сделали сегодня.

Я почувствовала силу. Она была не похожа на тяжёлую

мощь Клеоники или Никифора. Пальцы стали точными. Я знала, сколько весит каждая балка, сколько часов Агафья провела у стыков, где мои деньги оплатили дерево, а где её работа создала из дерева дом. Не числами — весом в ладонях.

Я шагнула к тетради.

Агафья захлопнула её.

Сила остановилась.

— Что ты хотела сделать?

— Записать долг перед тобой.

— Какой?

— Весь твой труд, который я поставила под чужое условие.

— И как вернёшь?

— Не знаю.

Пар побледнел.

— Тогда не называй запись исправлением.

— Я могу начать с точного счёта.

— Счёт нужен тому, кто собирается платить. Чем ты заплатишь за двенадцать лет? Домом, которого больше не будет?

— Землёй на новой стоянке. Лесом. Моей долей заработка. Работой.

— Опять решаешь одна, что мне нужно.

Сила ушла из пальцев. Тетрадь стала обычной, тяжёлой и закрытой.

Буквальник наблюдал. На его платье наша ссора оседала новыми строками. Мне захотелось стереть их рукавом, но любой жест только добавил бы ему букв.

— Что исправит этот вред? — спросила я у духа.

— Вопрос требует выбора Агафьи Межиной.

Мы обе замолчали.

Впервые Буквальник произнёс ответ, который не мог закончить сам.

— Почему? — спросила Агафья.

— Вред назван как утрата твоего труда. Только ты можешь назвать, что будет для тебя исправлением. Дорога этого не определяет.

— А если я скажу: оставить дом?

— Оставление дома не освобождает проход.

— Значит, выбора нет.

— Есть выбор исправления вреда между людьми. Нет выбора исполнить или не исполнить условие перед дорогой после срока.

— Очень тонко.

— Толщина не определена.

Агафья устало провела ладонью по лицу.

— Не отвечай ему, — сказала я. — Не сейчас.

— Боишься, что я попрошу слишком много?

— Боюсь, что ты назовёшь цену в гневе, а сила привяжет нас к ней.

— И всё-таки чему-то научилась.

Она вышла из зольного круга и направилась к дому. Я задержалась.

— Если я назову только свою подмену карты, сила разве-
рёт препятствие?

— Если будет назван вред проходу.

— А вред Агафье останется?

— Да.

— Значит, одно признание не закрывает оба долга.

— Одно действие причинило больше одного вреда.

Это было очевидно. И всё же двенадцать лет я держала свою ошибку как один камень, который когда-нибудь придётся поднять. Оказалось, камень лежал на развилке. Поднять его ради дороги не значило освободить сестру. Возместить сестре труд не значило открыть проход.

Я закрыла книгу.

— Ты слышал предложение Мирославы об общем запасе?

— Слово «общий» произнесено. Запас не создан.

— Если люди назовут одну ошибку, у которой несколько последствий, совет сможет выбрать, какое исправлять?

— Сила следует к названному вреду. Если вредов названо несколько, человек выбирает действием, пока одно исправление не исключит другое.

— А если исключит?

— Неисправленный вред останется обязательством.

Ветвь дороги под ратушей всплыла в памяти. Мирослава хотела назначать силу заранее, в третьей графе. Но призна-

ние могло открыть не один путь, а несколько. Совет соби-
рался поставить указатель на развилке, которой ещё не видел.

— Не повторяй ей этот разговор, — сказала я.

— Я повторяю относящееся к обязательству тому, кто
вправе спросить.

— У неё есть право?

— Подпись Мирославы Край стоит под исправлением ме-
жи.

Значит, право было.

Когда я вернулась, цепь всё ещё лежала перед полозьями,
но Агафья уже работала. Она снимала внутреннюю обшивку
большой клетки и складывала доски отдельно от наружных.
Это не означало согласия разбирать дом. В тревоге сестра
всегда работала: руки не позволяли мыслям врать, будто ни-
чего нельзя сделать.

Я взяла гвоздодёр.

— Не трогай северную стену, — сказала она.

— Я сниму полки из кладовой. Они вне полосы.

— Откуда знаешь?

— Левко промерил.

— Пусть отметит мелом прямо на полу. Пока не отметит,
ничего не снимай.

Я положила инструмент обратно. Агафья выдернула оче-
редной гвоздь, осмотрела, выпрямила двумя ударами и бро-
сила в ящик. Даже сейчас она не позволяла железу пропа-
дать.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила я.

— Сегодня?

— Для исправления вреда.

— Не знаю.

— Буквальник сказал, что выбрать можешь только ты.

— Я слышала. Мне не стало легче.

— Земля на новой стоянке будет распределяться завтра.

Я могу отказаться от своей доли в твою пользу.

— У нас общая доля.

— Попрошу отдельную и откажусь.

— Значит, снова пойдёшь к совету решать судьбу нашего будущего дома без меня.

— Тогда пойдём вместе.

— Сейчас я никуда не пойду.

Она сняла доску и обнаружила за ней старую метку углём: две черты и круг. Я узнала знак первой южной стены. Когда дом расширили, метка оказалась внутри перегородки и двенадцать лет пряталась в темноте.

Агафья коснулась её большим пальцем.

— Я не хочу платы, Варя. Если ты отдашь мне лес, он не станет теми досками. Если отдашь землю, она не станет этим двором. Если будешь работать на меня двенадцать лет, я потрачу ещё двенадцать лет, следя за твоим долгом. Мне не нужен должник вместо сестры.

— Тогда что?

— Право решать дальше.

— Насчёт дома?

— Насчёт моей части дома. Ты не признаешь её препятствием, не отдашь духу, не разберёшь силой и не пообещаешь совету. Даже если дорога поднимется до потолка. Сначала мы узнаем, что можно спасти. Потом я сама скажу, что готова разобрать.

— Если до последней телеги останется час?

— Тогда спросишь снова.

— Дорога может не ждать.

— Двенадцать лет она ждала твоего решения. Один день подождёт моего.

Это было несправедливо к дороге и совершенно справедливо ко мне.

— Согласна, — сказала я.

Пар не появился. Обещание не было признанием. Но у четырёхгранного камня тихо шелестнули строки, хотя ветер дул в другую сторону.

— Скажи точнее, — потребовала Агафья.

Я поняла, что она тоже услышала.

— До твоего решения я не назову твой труд вредом проходу, не использую силу признания для разбора дома и не дам совету распоряжаться ни одной его частью. Мы вместе отметим границу, отделим мою долю вещей и твою, а судьбу связующих балок решим после осмотра. Если срок станет короче, я приду к тебе, а не решу одна.

— Не «мою долю вещей и твою». Дом не делится по чаш-

кам.

— Тогда как?

— Отметим, что можно снять без утраты целого. И что делает дом домом.

— Хорошо. Именно так.

На этот раз строки у камня стихли.

Агафья сняла цепь с левого полоза, протянула мне конец и велела держать. Мы перенесли её не в сарай, а поперёк большой клетки — точно по краям старой дороги, насколько их показывали открытые плиты. Получилась железная черта через пол и лестницу.

— Это пока не граница, — сказала она. — Только вопрос.

— Позовём Левко.

— Позовём. Пусть промерит не землю под домом, а дом над землёй.

До сих пор карты показывали, где проходит дорога. Агафье нужна была другая карта: где заканчивается набор досок и начинается целое, которое нельзя разрезать без согласия того, кто его создавал.

Мы работали до первого вечернего удара. Снимали всё, что точно не связывало клетки: дверцы шкафов, медные крючья, лёгкие перегородки, полки. Агафья называла год каждой детали. Я записывала не цену, а историю работы. «Полка из доски отцовского верстака». «Крючья, выкованные после третьего перехода». «Перегородка, поставленная, когда Варвара сломала ногу». Впервые долговая книга при-

нимала строки, по которым никто никому не был обязан.

Белая сила не возвращалась. Видимо, запись ещё не исправляла вред. Она только не позволяла мне снова сделать его невидимым.

Перед вторым ударом пришёл Левко с мерной цепью. Он остановился у железной линии и сразу понял, что переступить её без вопроса нельзя.

— Можно войти? — спросил он.

Агафья кивнула.

— Нужны два плана, — сказала она. — На первом отметишь дорогу под полом. На втором — каждую балку, которая связывает часть над дорогой с частью вне её. Не решай за нас, что лишнее.

— Я и не умею решать, что лишнее в доме.

— Хорошее начало для картографа.

Он разложил инструменты. Я подала ему конец цепи, но Агафья остановила меня.

— Совет через четверть часа.

— Успеем начать.

— Нет. Ты пойдёшь туда.

— Я обещала не давать им распоряжаться домом.

— Поэтому и пойдёшь. Мирослава не отменит сход, если ты спрячешься здесь. А если она станет собирать чужие признания, у нас под полом появится ещё одна дорога.

— Ты останешься с Левко?

— Я останусь со своим домом.

Она вернула медную дощечку на верстак, но не прибила над дверью.

У порога я оглянулась. Сквозь снятую крышу падал косой свет. Железная цепь делила пол, однако обе её стороны удерживали одни и те же балки. Агафья стояла на спорной полосе, Левко — на городской земле, и между ними была протянута мера. Ни один не мог закончить промер без другого.

Дом принадлежал нам обоим не потому, что так записали в совете. Он был собран из решений, которые уже нельзя разложить по двум сундукам. Моя ошибка тоже вошла в него — не отдельной гнилой доской, которую легко выдернуть, а неверным основанием под хорошей работой.

На площади ударили в третий раз.

Я пошла на сход, зная теперь две вещи. Дорогу придётся освободить. Но назвать разрушение исправлением я смогу только тогда, когда Агафья сама выберет, что из нашего дома станет платой, а что — будущим.

И Мирославе я не позволю вписать этот выбор в третью графу.

Глава 6. Три долга старой улицы

До площади я не дошла.

На Старой улице мельница перегородила путь крылом.

Саму башню уже опустили на два широких полоза. Жернова лежали в телеге, мешки с мукой укрыли парусиной, ворот сняли. Но одно из четырёх крыльев застряло между крышей красильни и голым вязом. Ветер толкал его, дерево скрипело, люди пригибались при каждом порыве. Если крыло сломается, длинная рейка ударит по упряжи или разнесёт оставшуюся стену красильни.

Мельник Фаддей стоял на крыше и кричал вниз, что вяз вырос криво.

— Вяз рос там, где его посадили, — ответила я.

— Кто пустил тебя сюда? — крикнул он.

— Твоё крыло поперёк городской дороги.

Фаддей посмотрел в сторону площади. Колокол ещё не звонил в четвёртый раз, но люди уже стекались к сходу. Он явно надеялся, что председательница решит его беду вместе со всеми.

— Мы снимем рейки после совета.

Ветер снова нажал. Вяз согнулся и отпустил крыло. Оно качнулось над головами.

— Слезай.

— Я держу ось.

— Ось держит стопор. Слезай, пока стопор держит ось.

Фаддей спустился по приставной лестнице, всё время оглядываясь на мельницу. В книге за ним числился старый долг: весной он передвинул посадочный колышек на два шага, чтобы тень вяза не падала на мучной настил. Я тогда велела вернуть метку. Фаддей вернул, показал мне свежую ямку, и запись побледнела. Теперь оказалось, что дерево посадили по ложной метке.

— Где настоящий колышек? — спросила я.

— Сгнил.

— Где стоял?

— Там же почти.

— «Почти» сейчас держит крыло.

Он потёр ладони о фартук.

— Я передвинул метку не весной. Ещё прошлой осенью, когда выбирали место. На два шага к канаве. Весной ты заметила, я переставил новый колышек обратно. Но вяз уже рос.

— Почему не пересадил?

— Прижился. Жалко было губить.

— Какой вред ты причинил?

— Посадил дерево не там.

Ничего.

— Кому мешает?

Фаддей указал на крыло.

— Мне.

Слабый пар возник у его локтей и исчез.

— Не только тебе.

Он посмотрел на красильню, под которой прятались двое работников. Потом на упряжь. Один бык нервно бил хвостом.

— Из-за меня крыло нельзя опустить безопасно. Оно может ударить людей и скотину, а мельница задерживает улицу.

Белая сила легла ему на плечи.

— Теперь что исправишь? — спросила я.

— Выдерну вяз.

Он схватился за ствол. Сила не помогла. Фаддей напрягся, лишь содрал кору ладонью.

— Дерево не задерживает улицу само по себе, — сказала я. — Оно стоит на краю. Что именно сделал ты, когда увидел, что крыло не проходит?

Мельник перестал тянуть.

— Велел поднимать мельницу целиком. Думал, верхнее крыло перескочит ветку.

— Перескочило?

— Зажало.

— Значит?

Он выдохнул сквозь зубы.

— Я выбрал опасный подъём, чтобы не разбирать крыло. Из-за этого оно висит над людьми и закрывает дорогу.

Сила перетекла с плеч в кисти. Фаддей взобрался по лестнице, одной рукой удержал тяжёлую рейку, другой вынул

клин. Обычно для этого нужны были трое. Крыло разошлось на две части. Работники приняли нижнюю, верхнюю он развернул вдоль корпуса. Проход открылся.

Фаддей снова потянулся к вязу. Ствол не поддался.

— Но я признал колышек, — возмутился он.

— Признал. Однако названный сейчас вред исправлен разбором крыла. Дерево не обязано падать только потому, что тебе хочется закончить всё одной силой.

— На новой стоянке оно останется без нас.

— Так и должно быть. Мы оставляем деревья.

Я закрыла побледневшую строку. Фаддей хотел возразить, но рабочие уже торопили его укладывать рейки. Мельница тронулась, и за ней освободилось сразу шесть телег.

— Первый, — сказал рядом Левко.

Он пришёл незаметно, с планом дома под мышкой.

— Ты должен быть у Агафьи.

— Она выгнала меня искать тебя. Водовоз затопил нижний проезд.

— А план?

— Первый промер закончен. Связующих балок семь. Три можно снять по отдельности, четыре держат обе стороны.

Семь балок. Я заставила себя не спрашивать больше. Агафья просила не решать на бегу.

Мы пошли вниз по улице. Между домами уже текла вода. Она несла щепки, солому и красную шелуху лука. Жители поднимали коробки на лавки, хотя стен вокруг лавок давно

не было.

Телега водовоза Прокши застряла у водосборной чаши. На ней стояла дубовая бочка, которую он должен был отвезти на промежуточный двор для детей и стариков. В дни перехода каждый водовоз получал запечатанную мерку: ни кружки из дорожной бочки без распоряжения лекаря. Прокша снял пробку, чтобы напоить собственных лошадей, а потом забыл закрыть. На спуске вода плеснула, телега стала легче с одной стороны, колесо соскочило в канаву, бочка накренилась и выливалась на дорогу.

— Там ещё половина! — крикнул Прокша. — Помогите поднять колесо.

Четверо мужчин налегли на телегу. Она не сдвинулась. Прокша повторял, что канаву выкопали слишком глубоко.

Я велела всем отойти.

— Сам, — сказала ему.

— Один я не подниму.

— Тогда называй, почему должен поднять.

— Не удержал вожжи.

— Лошади стоят спокойно.

— Колесо слабое.

— Вчера ты его проверял.

Вода уже доходила до нижней ступени пустого дома. Из чаши на площади смотрело перевёрнутое небо. Я вспомнила отражение Буквальника и не позволила себе посмотреть туда снова.

Прокша опустил голову.

— Я открыл дорожную бочку без разрешения. Напоил своих лошадей, а пробку не забил. Из-за меня вода для перехода выливается в грязь.

Белый пар охватил его спину. Он подлез под ось и поднял край телеги. Мужчины бросились помогать.

— Не трогайте, — остановила я.

Прокша выкатил колесо из канавы один. Потом схватил бочку и поставил ровно. Сила не исчезла: вода продолжала течь из незакрытого отверстия. Он нашёл пробку в соломе, забил кулаком и только тогда выпрямился.

— Теперь к промежуточному двору, — сказала я.

— Там мало осталось.

— Отвези сколько есть.

Мирославин писарь, молодой человек с медной печатью на шнурке, выступил из толпы.

— Подожди. Председательница велела отмечать силу, пригодную для переноса.

— Эта пригодна для доставки воды.

— Телега уже на дороге. Пусть Прокша, пока силен, поднимет край ратуши. Потом отвезёт бочку.

— Не поднимет.

— Проверим.

Писарь положил ладонь на оглоблю.

— Прокша, признай, что задержал общий переход.

Белый пар дёрнулся от водовоза к площади. В чаше под-

нялась рябь.

Я ударила писаря по руке долговой книгой.

— Не подсказывай ему чужой вред.

— Вся улица задержана.

— Мельницей, водой, разобранными домами и твоей привычкой стоять посреди дороги. Какую часть задержал Прокша?

Писарь отступил.

Прокша смотрел на пар, вытянувшийся от его плеч.

— Я задержал телеги водой, — сказал он неуверенно.

Белая нить поползла дальше, к старой ветви под площадью.

— Нет, — приказала я. — Назови своё действие, а не слова писаря.

— Открыл бочку. Не закрыл. Потерял воду. Посадил колесо.

Нить оборвалась. Сила снова облегла его руки.

— Вези остаток, — сказала я.

Прокша вскочил на облучок. Лошади легко потянули телегу вверх, к промежуточному двору, хотя путь туда шёл против склона.

Писарь потирал кисть.

— Ты помешала учёту.

— Я помешала тебе создать бесхозное признание.

— У меня распоряжение.

— Покажи.

Он вынул сложенный лист. Вверху стояла подпись Мировлады, но текст говорил только: «Записывать случаи возникновения силы до решения совета». Ни слова о перенаправлении.

— Записывай, — сказала я. — Прокша исправил ровно то, что сделал: поднял свою телегу, закрыл свою бочку и повёз оставшуюся воду по назначению. Для ратуши не осталось ничего.

— Это второй? — спросил Левко.

— Второй.

Третий долг сам нашёл нас у конца улицы.

Мостовая артель снимала камни перед переходом тяжёлых домов. По правилам они должны были оставить центральную полосу нетронутой до последней большой телеги, а края разобрать и погрузить для новой площади. Но бригадир Устин решил ускорить работу: снял два ряда из середины, чтобы набрать полную телегу. Теперь на улице образовалась поперечная яма. Через неё перекинули доски, и первые повозки прошли. Под мельницей доски треснули.

К тому времени, когда мы добрались, задний полоз башни лежал в яме. Мельница накренилась к красильне. Фаддей бегал вокруг и требовал вернуть ему силу.

— Я всё признал! — кричал он. — Пусть она снова придёт.

— Твоё крыло уже сложено, — ответила я.

— Зато теперь падает вся мельница.

— Не из-за твоего крыла.

Устин и пятеро мостовщиков пытались подсунуть под полоз новые доски. Те ломались. Камни, снятые из середины, лежали на телеге в двадцати шагах. Каждый весил больше взрослого мужчины.

— Кто распорядился снять центральный ряд? — спросила я.

Устин указал на расписание перехода.

— Мы отставали.

— Кто?

— Артель.

Белая пыль поднялась над всеми шестью и поплыла к площади.

— Остановитесь. Каждый скажет только о своём действии.

Молодой мостовщик поднял руку.

— Я выбил первый камень.

Сила охватила его кисти. Он подбежал к телеге, поднял первый камень и понёс к яме. Положил на место — пар исчез.

— Всего один? — удивился он.

— Ты назвал первый.

Второй рабочий признал, что ослабил соседний камень ломом, хотя видел мельницу в начале улицы. Он вернул соседний. Третий снимал край ямы. Четвёртый грузил. Его сила позволила разгрузить два камня, но не уложить: вред его

действия был в том, что нужный материал оказался на телеге, а не в дороге.

Фаддей ругался всё громче.

— Пока вы исповедуете каждый булыжник, башня ляжет!

— Тогда держи её обычными подпорками, — сказала я.

Он с рабочими подставил балки под корпус.

Устин молчал. На телеге осталось четыре камня, а в яме — четыре пустых гнезда. Остальные артельщики вернули то, за что отвечали, и теперь стояли без силы.

— Твоя очередь, — сказала я бригадиру.

— Я не вынимал камней.

— Ты распорядился.

— Они могли отказаться.

Мостовщики уставились на него.

— Могли, — согласилась я. — Поэтому отвечали за свои руки. Теперь назови своё.

— Я хотел выполнить дневную меру.

— Это цель.

— Я велел снять середину раньше срока.

— Зная что?

Устин посмотрел на накренившуюся мельницу.

— Что большие дома ещё не прошли. Я решил, доски выдержат. Из-за моего приказа полоз провалился и люди теперь держат башню вместо перехода.

Сила ударила в него так резко, что полы куртки взлетели. Устин ухватил два камня сразу, поднял с телеги и уложил в

гнёзда. Потом ещё два. Но мостовая осталась неровной: швы разошлись, песок выдавило водой.

— Подними мельницу, — потребовал Фаддей.

Устин навалился на полоз. Ничего.

— Почему не получается? Яма его!

— Его вред — приказ снять камни и задержка людей, — сказала я. — Камни он вернул. Теперь артель должна восстановить мостовую обычной работой, а твои люди — вывести полоз.

— Но сила ещё есть, — заметил Левко.

Белый пар действительно держался вокруг ног Устина.

Бригадир оглядел работников, которые по его приказу бросили свои участки и теперь ждали.

— Я заставил артель исправлять мою спешку, — сказал он. — Из-за меня они потеряли время на своих долгах.

Сила перешла к его плечам. Устин взял трамбовку и один принялся забивать песок вокруг всех возвращённых камней. Каждый удар опускал мостовую ровно на нужную глубину. Когда поверхность сравнялась, пар исчез.

Мельницу подняли домкратом и вытянули из ямы. На этот раз Фаддей не торопил. Он шёл рядом с передним полозом и смотрел под ноги.

Писарь заполнил три строки. Имя. Признанная ошибка. Назначение силы. В третьей графе у мельника он написал: «разбор крыла». У водовоза: «возврат телеги и воды». У артели: «восстановление снятого ряда и времени работников».

— Теперь видишь? — спросила я. — Это не три порции одного припаса. Мельник не мог поднять телегу. Водовоз не мог мостить. Устин не мог вытащить мельницу. Даже шесть человек одной артели получили шесть разных границ.

— Но все работы помогли переходу.

— Потому что переход состоит из конкретных работ. Не потому, что сила стала общей.

Колокол на площади ударил в четвёртый раз. Сход начался без нас.

Со стороны ратуши донёсся многоголосый гул. Потом люди разом замолчали. Над крышами поднялась белая дымка — не шесть отдельных струй, а широкое облако.

Писарь побледнел.

— Председательница велела только записывать.

— На улице, — сказала я. — А на площади она уже предложила слова.

Под ногами дрогнули восстановленные камни. Шов между ними почернел и продолжился к водосборной чаше. Из глубины донёсся звук, похожий на далёкий поворот сотни колёс.

Левко развернул план. Ветвь под ратушей проступала прямо на свежей бумаге.

— Она растёт, — сказал он.

— Нет. Её делают видимой.

Я вырвала у писаря лист учёта и побежала к площади. За мной двинулся Левко. Устин бросил трамбовку и крикнул

артели держать середину улицы свободной. Прокша возвращался с пустой бочкой и развернул лошадей следом. Даже Фаддей остановил мельницу.

Три закрытых долга не дали нам ни капли лишней силы. Зато они дали три точных ответа.

На площади люди уже произносили один общий вопрос.

Глава 7. Карта под картой

На площади признавались хором.

Я слышала слова ещё из-под арки хлебных рядов. Мирослава стояла на ступенях ратуши, подняв над головой медную мерку перехода, а сотни людей повторяли за ней:

— Мы были небрежны к общему делу.

Белое облако висело над ними так низко, что задевало трубы. Оно не походило на силу, которая облекала руки Фаддея или плечи Устина. Та сила знала человека, действие и предмет. Это было бесформенное месиво, в котором отдельные струи сталкивались и проваливались одна в другую.

— Замолчите! — крикнула я.

Колокол ударил снова. Его язык дёргал мальчик из переходной артели, не видевший меня за спинами взрослых.

Мирослава опустила мерку.

— Варвара Межина прибыла, — объявила она. — Теперь мы услышим возражение по должности.

Люди обернулись. Кто-то перестал говорить, кто-то закончил фразу. Облако качнулось в сторону ратуши. Белая дымка втягивалась в щели между ступенями, и на сером камне проступали чёрные полосы.

Я подняла вырванный у писаря лист.

— На Старой улице мы проверили три долга. Ни один не дал общей силы. Каждый исправил ровно свой вред.

— И улица освободилась, — ответила Мирослава. — Значит, общее дело получило пользу.

— Пользу, а не запас. Это разные вещи.

— Ратуша просела. Западные полозья не войдут под неё без тридцати пар рук. Через час эти руки понадобятся на больнице. Я предложила каждому добровольно назвать небрежность, из-за которой переход идёт медленнее.

— Вы предложили всем одну и ту же фразу.

— Чтобы люди понимали задачу.

— Чтобы ошибка осталась без хозяина.

У самой чаши стоял сапожник Горазд. Белый пар тянулся от его рта к чёрному шву под ратушей.

— Горазд, — позвала я, — что именно ты сделал?

Он растерянно потёр бороду.

— Был небрежен к общему делу.

— Как?

— Не знаю. Каждый когда-нибудь был.

— Что ты собираешься исправить этой силой?

— Ратушу поднять.

— Ты её опустил?

— Нет.

Белая нить от него стала толще. Под подошвами Горазда щёлкнул камень. Мужчина отскочил, а из шва показался край гладкой плиты, стёртой колёсами задолго до нашего прихода на эту стоянку.

— Вот куда ушло твоё признание, — сказала я. — Старой

дороге всё равно, хотел ли ты помочь ратуше. Ты назвал долг без своего поступка, и его забрало место, где долг уже есть.

Мирослава спустилась на одну ступень.

— Тогда уточним слова.

— Нет. Сначала распустите людей.

— Они пришли добровольно.

— А уйти могут?

Я повернулась к площади.

— Кто хочет уйти, не назвав ошибки, уходите сейчас.

Никто не двинулся. За крайними рядами стояли писари с досками. У северного выхода переходная стража держала свободный проезд для ратушных саней, но со стороны толпы это выглядело как цепь людей.

— Видишь? — спросила Мирослава.

— Вижу, что никто не хочет первым показаться человеком, которому нет дела до города.

Слева от чаши женщина подняла руку.

— Моя печь уже на телеге. Я пришла, потому что старший десятка сказал: отсутствующих запишут отдельно.

Писарь спрятал доску за спину.

Мирослава посмотрела на старшего десятка. Тот опустил глаза.

— Я не давала такого распоряжения.

— Но вы велели собрать по одному человеку от каждого двора, — сказала женщина. — Как ещё он должен был нас собрать?

Облако над площадью поползло ниже. Люди закашлялись. Это был не дым, но в нём пахло мокрой пылью из давно закрытого погреба.

Левко схватил меня за рукав.

— План.

Бумага в его руках покрылась тонкими серыми линиями. Ветвь, которая прежде шла от чаши к северному углу ратуши, теперь раздваивалась. Один конец полз под ступени. Второй поворачивал на запад, к архивному возку.

Возок стоял у стены ратуши. Архивариусы с утра грузили в него книги переходов, земельные описи и свёрнутые карты. Под колёсами, где ещё минуту назад лежал ровный песок, проступили две каменные колеи.

— Почему туда? — спросил Левко.

Я знала ответ раньше, чем произнесла его.

— Потому что там хранится невыполненное обещание.

Двенадцать лет назад я обещала отнести исходные промеры в архив. В книге появилась отметка о приёме, но листа там не было. Я убедила себя, что потом сожгла его вместе с промокшими черновиками. Убедила так хорошо, что увидела в памяти синий огонь и скрученный край бумаги.

Но память умеет подсовывать человеку удобную картинку. Дорога ошибаться не умела.

— Мирослава, распустите сход, — сказала я. — Сейчас же.

— А ратуша?

— Подоприте обычными домкратами. Не двигайте, пока люди не назовут собственные действия по одному.

— Мы потеряем половину дня.

— Уже теряем город.

Из-под чаши донёсся глухой скрежет. Вода выплеснулась через край, хотя ветра не было. На дне вместо отражения неба показались переkreщенные дороги.

Мирослава обернулась к людям.

— Сход окончен. Старшие десятков, распустите дворы. Писарям вычеркнуть отсутствующих и не вести счёт тем, кто уходит.

Толпа не сразу поверила. Потом женщина с разобранной печью протиснулась к хлебным рядам. За ней пошли ещё двое, десять, полсотни. Белое облако рвалось клочьями, но не исчезало. Часть его уже втянулась под площадь.

— Произнесённого не заберёшь, — сказал Левко.

— Зато не добавим нового.

Я сунула лист учёта ближайшему писарю.

— Запиши отдельно: сход распущен до назначения силы. Имена тех, кто повторял общую фразу, не превращать в список должников. Они не назвали поступков.

— А чем тогда считать облако?

— Последствием нашей глупости.

Мирослава услышала, но не ответила. Она распорядилась принести домкраты и сама пошла под северный угол ратуши. Люди расступались перед ней уже не так охотно, как утром.

Мы с Левко побежали к архивному возку.

Его переднее колесо вошло в каменную колею почти до ступицы. Лошадей успели выпрячь. Старый архивариус Фирс сидел на сундуке и прижимал к груди связку ключей.

— Ничего не разбилось, — сообщил он. — Потому что я велел укладывать книги корешками поперёк хода.

— Мне нужна опись двенадцатого перехода, — сказала я.

— В нижнем сундуке.

На нижнем сундуке стояли ещё четыре. Снять их было некуда: справа ратуша, слева выросшая из земли дорога, сзади толпа.

— Есть копия?

— В дорожном ящике. Если молодой картограф вернул её после весенней сверки.

Левко уже забрался в возок. Он откинул крышку узкого ящика, вынул пачку планов и быстро перебрал листы.

— Опись есть. Приложений нет.

— Потому что исходного плана там никогда не было, — сказала я.

Фирс посмотрел поверх очков.

— Не говори за архив, Межина. Бумага могла лежать не там, где ты её ищешь.

— В книге отмечено, что вы её приняли.

— В книге отмечено, что принят комплект.

— Я принесла папку без исходного листа.

— Ты принесла папку мокрой.

Я замерла.

В моей удобной памяти бумаги горели сухими. На самом деле в ту осень три дня лил дождь. Погорельцы жили под навесами, чернила текли, края карт липли друг к другу.

— Что вы сделали с мокрыми листами?

— То же, что делаем всегда. Просушили через сукно. Слипшиеся не рвали.

Фирс постучал ключом по крышке сундука.

— В вашем деле было два листа, приставших лицом друг к другу. Верхний высох чистым оборотом наружу. Ты сказала, второй — испорченная копия.

Я вспомнила тяжёлую папку. Вспомнила, как Фирс спросил, почему она толще обычного. Я ответила: переложила сукном. Потом вернулась, забрала один чистый лист якобы для новой копии и сожгла его у себя.

Один лист.

— Слипшиеся карты остались в деле? — спросил Левко.

— Если никто не списал их по акту.

— Акт есть?

— Нет, — сказал Фирс. — Я не списываю землю только потому, что на ней расплылись чернила.

Пять сундуков отделяли нас от ответа. Обычными руками мы снимали бы их четверть часа, а потом ещё искали место среди уходящих телег. Белая дымка клубилась у колеса возка, словно ждала новых слов.

— Не признавай сейчас ничего, — предупредил Левко.

— Я и не собиралась.

Но собиралась. Я уже чувствовала на языке подходящую фразу: не забрала карту из архива. Сила помогла бы разгрузить сундуки. И была бы ложью. Я забрала лист. Просто не тот.

— Фирс, что лежит в верхних?

— Книги последних трёх стоянок. Они понадобятся первыми на новом месте.

— Значит, разгружаем по порядку перехода.

Мы позвали архивных работников. Верхний сундук перенесли на свободную телегу, за ним второй. Люди ворчали, потому что через час пришлось бы грузить обратно, но Фирс проверял каждый ремень и не позволял спешить. На площади трещали домкраты. Каждый их поворот напоминал: можно поднимать тяжесть без подаренной силы, если людей достаточно и никто не обещает невозможного.

Когда сняли четвёртый сундук, из-под него показалась крышка с выжженным числом двенадцать. Чёрная дорога под возком сразу стала ярче.

Фирс вставил два ключа. Один повернул сам, второй отдал мне.

— Дорожные дела открываются вдвоём, — сказал он. — Ты тогда была одной из двух.

— Кто был вторым?

— Мирослава Край. Как назначенная старшая по размещению погорельцев.

Я повернула ключ.

Замки щёлкнули одновременно. Внутри лежали связки в сером сукне. Левко нашёл метку западного участка и вынул плоскую папку. Она и вправду была толще прочих.

Края двух карт срослись. Сверху мы видели чистовой план: красную городскую межу, одиннадцать дворов, наш будущий дом, овраг и сухой гребень. Линии были знакомы мне до боли в пальцах. Я много раз смотрела на эту карту и каждый раз видела только то, что сама велела ей показывать.

— Как разделить? — спросил Левко.

Фирс достал из бокового отделения костяную лопаточку.

— Никак, если хотите сохранить чернила. Смотрите против света.

Мы подняли слипшиеся листы. Сквозь верхний проступила тень нижнего чертежа. Две красные межи расходились у оврага. На чистовом плане линия шла прямо по сухому гребню. Под ней другая сворачивала, оставляя девять шагов для дороги.

Карта под картой.

Левко приставил лист к боковой стенке возка, где солнце проходило между досками. Тёмные точки обозначали межевые камни. Их было семь. На чистовом плане я перенесла три точки, а остальные четыре просто не нанесла.

— Это не ошибка счёта, — тихо сказал он.

— Нет.

— И не ошибка масштаба.

— Нет.

— Вы построили новую межу.

— Да.

Белый пар появился у меня на ладонях.

Я опустила карту. Пар исчез.

Левко заметил.

— Почему сила не осталась?

— Потому что я пока назвала устройство подмены, а не вред.

— Или потому что признались мне, а исправлять собираетесь без Агафьи.

Он научился быстро.

На нижнем листе возле каждого двора стояла фамилия. Я читала их по одной. Бобровы — пятеро детей, старшая девочка с обожжённой рукой. Вершины — две сестры, державшие пекарню. Сивый Фома, который после пожара три месяца говорил шёпотом. Одиннадцать семей, сорок три человека.

После пожара им отвели низкую восточную полосу. На первой же неделе дождь поднял в ней воду. К утру под навесами плавали башмаки, мешки с зерном отсырели, младенца унесли к лекарю с жаром. Сухой гребень пустовал, но по старому договору через него должен был сохраняться проход.

Я пошла к Мирославе и сказала, что дорога давно не используется. Она спросила, закрыта ли она решением сборщика. Я ответила, что основание заросло и дух не явился на

первый зов. Это было правдой, но не ответом. Мирослава поняла меня так, как ей было нужно, и распорядилась поставить дома выше.

Ночью я передвинула межу на чистовом плане.

— Где запись об одиннадцати годах? — спросил Левко.

Мы снова подняли листы к свету. В нижнем правом углу проступали две короткие строки. Чернила расплылись, но слова можно было разобрать: «Жильё допустимо до одиннадцатого ухода. После освободить полосу и открыть камень».

Под строками стояли три знака. Мой. Мирославы. И угловатая отметка дорожного старосты, умершего восемь лет назад.

На чистовой карте я закрыла эти строки пустым полем условных обозначений.

— Вы не только передвинули линию, — сказал Левко. — Вы положили поверх срок.

— Да.

— Почему одиннадцать лет?

Я провела пальцем вдоль нижней межи, не касаясь бумаги.

— За это время город должен был трижды вернуться в западную часть долины. Я думала, к третьему возвращению семьи встанут на ноги и сами перенесут дома. Или мы выберем другую стоянку. Или старый проход окончательно уйдёт в землю.

— Но Ступени вернулись сюда только сейчас.

— Дважды разливалась река. Один раз склон заняли военные обозы. Мы меняли круг стоянок и каждый год говорили, что ещё успеем.

— Кто должен был следить за сроком?

— Я.

Пар снова коснулся пальцев. Теперь он был плотнее, но не давал силы. Он тянулся через площадь к нашему дому.

Левко накрыл мою руку своей ладонью и прижал к борту возка.

— Не продолжайте здесь.

— Убери руку.

Он убрал.

— Простите. Но если вы сейчас назовёте весь вред, сила поведёт вас к дому. Агафья запретила решать без неё.

— Не запретила. Мы договорились.

— Тем более.

Я завернула карты в сукно. Руки дрожали не от силы. Двенадцать лет я повторяла себе, что спасла сорок три человека. Это тоже было правдой. Но правда о спасении не перечёркивала другую: я отняла у дороги обещанный проход, у архива — исходный план, у Агафьи — право знать, на чём она строит дом. И каждый следующий год я выбирала не проверять срок.

— Нужно снять копию, — сказал Левко.

— С двух линий сразу.

— Я наложу тонкую бумагу и отмечу обе разными насеч-

ками. Без цвета, чтобы никто не смог принять одну за исправленную другую.

Фирс принёс дощечку и прижал края грузиками. Левко работал быстро, но не торопливо. Сначала семь старых камней. Потом девятишаговая дорога. Затем чистовая межа и дома. Возле трёх перенесённых точек он поставил маленькие кресты.

— Не ставь кресты, — сказала я. — На новой карте они могут показаться отметками снятия.

Он стёр их мякишем.

— Чем обозначить подмену?

— Ничем. Подпиши словами на полях: «Точки один, два и три перенесены в чистовой карте рукой Варвары Межиной». Карта должна выдержать человека, который не знает наших условных знаков.

Он написал. Я поставила дату и подпись.

На этот раз пар не появился. Мы не исправляли вред, а возвращали свидетельство. Обычная работа оставалась обычной.

Снаружи кто-то вскрикнул. Архивный возок качнулся. Каменная колея под передним колесом удлинилась и упёрлась в сундук. На железной полосе колеса выступил белый иней.

У края дороги стоял Буквальник.

Он не пришёл по площади. Сначала показались носы его разных башмаков, потом полы одежды, сшитой из дорожной

пыли, потом лицо без собственного возраста. Сегодня он говорил голосом старого дорожного старосты.

— Принятое хранится, — произнёс дух.

Фирс встал перед сундуком.

— Архив принадлежит городу.

— Я не требовал архив.

— Тогда отойди от колеса.

— Колесо стоит на дороге.

Фирс посмотрел вниз и ругнулся беззвучно.

Я вышла из возка с копией.

— Ты направил дорогу к исходному плану?

— Нет. Вы направили признание к неназванному долгу.

— Люди на площади не знали об этом плане.

— Они называли общую небрежность. Общая небрежность нашла то, что город принял общим решением и не исполнил.

Левко спрыгнул рядом со мной.

— Значит, дух получил силу от их неточных слов.

Буквальник повернул к нему лицо.

— Дорога получила возможность быть видимой. Сила принадлежит исправлению. Когда вред не назван, ближайшее обязательство называет себя само.

— Удобно для тебя, — сказал Левко.

— Я не выбирал ближайшее.

И он не лгал. В этом была главная трудность спора с ним: ловушка возникала не в его словах, а в наших.

— На нижней карте записан срок, — сказала я. — Один-

надцать уходов.

— Да.

— Почему ты предъявил договор только на двенадцатый год?

— Я предъявил его после одиннадцатого ухода.

— Кому?

— Тому, кто остался.

Я вспомнила сломанную телегу у амбара. Прошлой осенью её не смогли вывезти, и крайний срок формально не наступил до нынешнего ухода. Буквальник уже объяснял это, но теперь в словах появился другой смысл. Он приходил. Не к нам — к вещи, которую мы оставили вместо человека.

— Телега не могла ответить.

— Договор не требовал ответа. Он требовал освободить проход до ухода последней телеги.

— А последняя телега осталась.

— Да.

Левко развернул копию.

— Здесь сказано: «После освободить полосу и открыть камень». Какой камень?

Буквальник указал не на площадь и не на наш дом, а на четырёхгранный межевой столб у западного выхода. Тот самый, возле которого я назначила духу место.

— Камень договора, — сказал он. — Пока он закрыт городской межей, дорога не считается возвращённой.

— Дом стоит не на всём проходе, — сказал Левко. — Если

освободить девять шагов и открыть камень, остальную часть можно унести?

— То, что не занимает полосу и не удерживает её закрытой, договором не взыскивается.

Это совпадало с прежним ответом. Духу не нужен был наш дом. Ему нужна была дорога. Но четыре связующие балки держали обе половины, а порог закрывал старое основание. Чтобы освободить проход, придётся лишить дом целостности.

— Покажи первоначальное обязательство полностью, — потребовала я.

— Оно перед вами.

— Здесь две строки и три знака. Должна быть запись, что получает город за сохранение прохода, кому разрешено жить на полосе и кто отвечает после срока.

Буквальник молчал.

— Ты обязан отвечать сборщице.

— На вопрос о долге.

— Это вопрос о долге. Что именно мы обещали дороге?

Лицо духа дрогнуло. На миг в нём проступили сразу несколько ртов. Один принадлежал старосте, второй Мирославе двенадцатилетней давности, третий — мне.

— Назовите запись, — сказал он.

— Какую?

— Ту, под которой поставлены знаки.

Я посмотрела на слипшиеся карты. Строки о сроке бы-

ли лишь пометкой на полях, не самым договором. Основная запись должна была храниться отдельно — возможно, в дорожной книге, возможно, на обороте нижнего листа, который мы не могли увидеть, не разделив бумагу.

Левко понял одновременно со мной.

— Мы смотрим не на договор, — сказал он. — Мы смотрим на ссылку к нему.

Буквальник отступил на один камень. Колея под возком перестала расти.

— Где книга? — спросила я у Фирса.

Архивариус уже перебирал метки на связках.

— Дорожные обязательства того перехода должны быть в отдельном узком томе. Но нижний сундук набит земельными делами.

— Значит, не здесь.

— Или не в архиве.

Я вспомнила старые книги сборщиков в шкафу конторы. Мы брали их на каждый осенний переход, потому что дух мог потребовать запись на месте. Утром мой помощник погрузил шкаф целиком на служебную телегу. Она должна была стоять у западных ворот.

Теперь там, возле четырёхгранного камня, ждал Буквальник.

— Левко, запечатай исходный план вместе с копией. Фирс, никому не отдавайте их по одной.

— А ты куда? — спросил картограф.

— За словами, которые мы положили под карту.

— Одна?

— Со мной пойдёт Мирослава. Её знак тоже стоит здесь.

Председательница всё ещё работала у ратуши. Она стояла на коленях под поднятым углом здания и подкладывала деревянные плахи. Я подошла, когда рабочие сделали передышку.

— Исходный план нашёлся, — сказала я.

Мирослава медленно выпрямилась.

— Где?

— Под чистой картой. Листы слиплись после дождя.

— Что на нём?

— Семь старых камней. Девятишаговый проход. Одиннадцатилетний срок. Твой знак, мой и дорожного старосты.

Она закрыла глаза лишь на мгновение.

— Значит, Буквальник прав.

— Он был прав и без карты.

— Теперь это можно доказать совету.

— Сначала докажем себе. На плане только ссылка. Само обязательство в книге сборщиков у западных ворот.

Мирослава посмотрела на расползающиеся по площади чёрные швы.

— Ратушу нельзя оставить на домкратах.

— Можно. Под ней шесть подпорок и двадцать работников. А договор двенадцать лет оставался без прочтения.

— Ты опять решаешь за всех, что важнее.

Упрёк попал точно. Я уже открыла рот, чтобы приказать ей идти, как сборщица председательнице перехода. Потом посмотрела на белые следы общего признания, впитавшиеся в ступени.

— Ты права, — сказала я. — Я пришла приказать. Это было бы ещё одно решение за тебя. Поэтому спрашиваю: ты пойдёшь прочитать запись, под которой поставила знак?

Мирослава сняла рабочие рукавицы.

— Пойду. Но сначала передам ратушу мастеру и объявлю, что общего запаса нет.

— Объяви ещё, почему сход нельзя назвать добровольным.

— Потому что старшие десятков грозили учётом отсутствующих.

— И потому что одна общая фраза не стала нашей общей правдой.

Она поморщилась, будто я заставила её поднять особенно тяжёлую балку.

— Это скажешь ты.

— Нет. Фразу предложила ты.

Мирослава долго смотрела на меня. Потом забралась на ступени, где ещё оставалась медная мерка.

— Жители Ступеней! — крикнула она.

Люди остановились между разобранными домами и телегами.

— Общего запаса силы нет. Я велела повторить слова, ко-

которые не называли поступка каждого. Эти слова сделали видимой старую дорогу и не подняли ратушу. Сход нельзя считать добровольным: старшие десятков отмечали отсутствующих, хотя я не велела наказывать их. Ответственность за созыв и формулу — моя. Возвращайтесь к своим работам. Новых признаний до разбора договора не принимать.

Над её плечами появился белый пар.

Мирослава сразу потянулась к домкрату.

Он не сдвинулся.

Пар лёг на писарские доски у ступеней.

Она посмотрела на них, поняла и велела принести мокрую тряпку. Собственными руками стёрла отметки пришедших и отсутствующих. Белизна вокруг неё погасла.

— Вот твоё исправление, — сказала я, когда она спустилась.

— Не всё.

— Не всё. Но названное сейчас — это.

Мы пошли к западным воротам. За спиной ратуша осталась на обычных деревянных подпорках. Впереди над крышами нашего дома виднелся четырёхгранный камень, а рядом с ним — неподвижная фигура духа.

Под мышкой Мирослава несла медную мерку. Я — копию двух карт на одном листе.

Теперь я знала, как подменила межу и кого спасла этой подменой.

Оставалось прочесть, что именно мы пообещали дороге

взамен.

Глава 8. Что обещали дороге

Служебная телега стояла у западных ворот без лошади.

Её успели поднять на камни, снять передние колёса и обвязать шкаф с книгами ремнями. Помощник Семён собирался перевезти их отдельно, чтобы на спуске не разбить корешки. Теперь между телегой и воротами лежала полоса старой мостовой, которой утром не было.

Буквальник ждал у четырёхгранного камня.

— Не наступай, — сказала я Мирославе.

— Вижу.

Она остановилась у края. Камни дороги блестели, будто их только что полили, хотя земля вокруг была сухой. Полоса проходила под телегой, пересекала колею городского выезда и упиралась в межевой столб. Нижняя половина столба оставалась под насыпью. Верхнюю двенадцать лет белили как городской указатель.

— Мы ещё и покрасили его, — сказала Мирослава.

— Каждый год.

На белой стороне значилось: «Западный выход». Под известью едва проступала старая зарубка — две дороги крест-накрест.

Семён подошёл с воротом для снятия шкафа.

— Книги нужны сейчас?

— Одна книга, — ответила я. — Двенадцатый переход,

дорожные обязательства.

— Нижняя полка. Ящик заперт.

Ключ висел у меня на поясе. Я носила его все эти годы и ни разу не открывала тот том после возвращения в западную долину.

Семён поставил лестницу к борту. Телега стояла поперёк старой дороги. Стоило мне коснуться колеса, как Буквальник заговорил:

— Проход занят.

— Временно, для перехода города.

— В записи нет исключения для перехода города.

— Телегу поставили до того, как дорога стала видимой.

— Проход был и до видимости.

Я стиснула зубы. Возразить было нечем.

— Семён, снимай шкаф со стороны поля. Не катите телегу по камням.

Он позвал двоих работников. Они перекинули канат через ворот, подняли шкаф и медленно опустили за край дороги. Обычная тяжесть заставила всех троих вспотеть. Мирослава молча взялась за канат рядом с ними.

Когда шкаф поставили на землю, я открыла нижний ящик. Узкий том лежал под книгой зимних стоянок. На кожаном корешке выцвели слова: «Дороги и проходы».

Ремешок вокруг книги был завязан моим узлом.

— Ты читала запись после той осени? — спросила Мирослава.

— Нет.

— Почему?

— Потому что знала, что там написано.

— Значит, не хотела знать заново.

Я развязала узел.

Книга открылась на нужном месте сама. Между страницами лежала тонкая дорожная щепка с двумя перекрещенными зарубками. Чернила сохранились лучше, чем на карте.

Я начала читать вслух.

— «В год западного пожара город Ступени принимает под временное жильё одиннадцати дворов сухую полосу у старого выезда, не считая её переданной в городскую межу».

Мирослава встала ближе.

— Дальше.

— «За пользование сухой землёй город сохраняет свободным девятишаговый проход от оврага до четырёхгранного камня, не ставит на нём постоянных оснований и не закрывает дорожный знак».

Под нашим домом было постоянное основание. Его поставили первым, потому что Агафья не доверяла зыбкой земле. Я сама выбрала место для дубового порога над дорожным знаком.

— Читай, — потребовала Мирослава.

— «Временные строения дозволены на одиннадцать уходов. До ухода последней телеги одиннадцатого года строения снимаются, проход очищается, камень открывается. За

размещение отвечает старшая перехода Мирослава Край. За межу, срок и возврат прохода отвечает сборщица Варвара Межина. Дорожный староста Олесь Верша свидетельствует состояние камней».

Ни совета. Ни одиннадцати семей. Ни Агафьи. Мы с Мирославой взяли обязанность на себя.

— Есть продолжение, — сказал Буквальник.

Я перевернула страницу.

— «Пока проход свободен, западный выезд принимает тяжёлые дома без дорожной платы. Если проход закрыт после срока, старый выезд вправе удерживать всё, что не даёт восстановить девять шагов».

Мирослава посмотрела на телегу, стоящую поперёк дороги.

— Удерживать всё — это дом?

— Всё, что не даёт восстановить девять шагов, — повторил дух.

— Ответь прямо.

— Стена вне полосы не закрывает проход. Балка, связывающая стены через полосу, закрывает. Порог над камнем закрывает. Телега поперёк камней закрывает, пока стоит.

Семён немедленно велел рабочим поднимать ось. Колёс не было, поэтому телегу развернули на круглых брёвнах. Как только последний край сошёл со старых плит, вода выступила между камнями и тут же впиталась.

— Это дорожная плата? — спросил Семён.

— Нет, — ответил Буквальник. — Это вода под дорогой.

Я присела и коснулась шва. Камень был холодным. Земля вокруг колодцев уже начинала забирать влагу, но здесь вода поднималась снизу.

— Что город получал одиннадцать лет? — спросила я.

— Сухую землю для одиннадцати дворов и западный выезд без платы.

— Какой платы?

— По одной оси с каждого тяжёлого дома.

Семён присвистнул. Каждый год через западный выход проходило не меньше сорока больших строений. Без освобождения от платы город оставлял бы сотни железных осей или шёл другим, более крутым путём.

— Мы не просто спасли погорельцев, — сказала Мирослава. — Мы пользовались выгодой все одиннадцать лет.

— И не записывали её в городской счёт, — ответила я.

В книге переходов западный выезд считался бесплатным по старому обычаю. Обычай оказался договором, из которого мы сохранили удобную половину.

— Почему срок не потребовали исполнить прошлой осенью? — спросила Мирослава.

— Потребовали, — сказала я. — Последняя телега осталась у амбара.

Буквальник подтвердил:

— Пока она не ушла, одиннадцатый уход не завершился.

— Мы вывезли её весной на дрова, — вспомнил Семён.

— Тогда начался срок исполнения, — сказал дух.

— Когда он заканчивается?

— С уходом последней телеги нынешней осени.

Мирослава пересчитала что-то на пальцах.

— Значит, двенадцатый год уже идёт, но до последней телеги у нас есть время.

— Да.

— Сколько именно?

— Это решает город, отправляя телеги.

Ответ был честным и бесполезным. По расписанию последняя телега уходила завтра после полудня. Из-за поднявшихся дорог и сухих колодцев переход могли ускорить. Чем быстрее мы спасали город, тем меньше оставляли себе времени исполнить договор.

Я прочла запись ещё раз, теперь молча. Внизу стояли наши знаки. Рядом с моим значком шла короткая приписка: «Копию межи сдать в архив до вечернего колокола».

— Я не сдала исходный план, — сказала я.

Белый пар лёг на ключ и книгу.

Я могла вернуть карту в нужную папку. Но Фирс уже нашёл её. Этот вред был исправлен без силы, хотя и не мной одной. Пар подержался секунду и исчез.

— Я приняла чистовую межу, не потребовав исходных промеров, — сказала Мирослава.

Сила коснулась медной мерки у неё под мышкой.

— Что она просит? — спросила она.

— Проверить межу собственным измерением. Не доверять моей карте.

Семён принёс мерную верёвку. Мирослава закрепила конец у четырёхгранного камня и пошла по дороге к оврагу. На девятом шаге верёвка легла точно по краю старой плиты. Сила помогла ей выдернуть городской колышек, поставленный внутрь прохода, и вернуть на линию исходной межи.

Белый пар погас.

— Один колышек, — сказала она. — За двенадцать лет.

— Ты назвала принятие межи. Исправила неверную метку, которую могла проверить сейчас.

— А дом?

— Дом не ты строила.

— Но я разрешила размещение.

— Временное. На одиннадцать уходов. Само разрешение было частью договора, не нарушением.

Мирослава раздражённо смотала верёвку.

— Выходит, чем точнее мы читаем, тем меньше силы получаем.

— Тем меньше чужого исправляем за свой счёт.

— Городу от этого не легче.

Она смотрела на очередь домов у западного спуска. Рабочие медленно вкатывали оси, запрягали быков, проверяли канаты. Ратуша всё ещё стояла на подпорках. До темноты нужно было вывести больницу и два зерновых склада.

— Если каждый признает свою ошибку отдельно, — ска-

зала Мирослава, — все равно возникнет много силы.

— Для разных дел.

— Но если ошибки относятся к одному делу? Например, каждый назовёт собственную задержку перехода.

— Не каждый задержал переход.

— Каждый сделал что-то медленнее, чем мог.

— Это не ошибка, а удобное обвинение.

— У тебя на всё есть граница, Варвара. Между пользой и запасом. Между целью и действием. Между домом и проходом. Пока ты чертишь границы, земля пьёт колодцы.

— А когда ты их стираешь, старые дороги приходят за всем сразу.

Буквальник стоял между нами и слушал. Спор был ему выгоден, но он не подталкивал ни одну.

— Что будет, если город не успеет? — спросила Мирослава у него.

— После ухода последней телеги дорога удержит то, что закрывает проход.

— Как удержит?

— Полоз не пересечёт старую межу. Балка не поднимется с полосы. Камень не примет новую краску.

— Людей удержит?

— Человек не является строением, полозом, балкой или краской.

— А вещи внутри дома?

— Если вещь можно вынести, не закрывая проход, она не

удерживается.

Я записывала ответы на полях копии. Каждый из них отнимал у страха лишнее и оставлял настоящую цену. Мы могли вынести посуду, постели, инструменты, тетради Агафьи. Могли снять стены по обе стороны дороги. Но порог и четыре связующие балки должны были уйти с полосы до последней телеги. Дом перестал бы быть домом, который можно собрать снова целиком.

— Если разобрать проход сейчас, — спросила я, — договор закроется сразу?

— Когда девять шагов будут свободны, камень открыт, а городская межа возвращена к исходным знакам.

— Все семь камней должны сохраниться?

— Должна быть восстановлена линия. Утраченный камень можно заменить равным и отметить замену.

— Ты примешь нашу отметку?

— Если она назовёт замену заменой.

Левко пришёл от архива с Фирсом. Они несли исходный план между двумя досками.

— Не разделяли, — доложил картограф. — Фирс запечатал края. Копию сверили в трёх местах.

Он увидел раскрытую книгу и сразу наклонился над записью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.